

СМЕНА

10
1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

О СМЕЛЫХ, ОТВАЖНЫХ

СЛУЧАЙ НА РЕКЕ

Бульдозерист Федор Максимович Рябцев работал в русле горной реки Шахе. Он выполнял важное и спорное задание.

День выдался пасмурный. На вершинах Главного Кавказского хребта зловеще клубились черные тучи. Там, в горах, в верхнем течении Шахе, наверняка бушевал ливень.

Увлеченный работой, Рыбец никакого не замечал. Вот почему вчера настал и стремительный подъем уровня: до сих пор немноговодной реки оказались для него полной неожиданностью и застыли врасплох. Река поднялась на столько, что гравий в верховьях ее взорвали плотиной из обломков льда. Не успела Рыбец оглянуться, как взвилась река, разделившись на две руки, и отчуждаясь на острове. Мутная вода прибыла, Заметив беду, Рыбец пренебрежительно работу и, кроуза развернув машину, хотел перекрестить образовавшуюся рукава. Но тут заглох мотор...

Пока бульдозерист пытался завести его, остров оказался под водой. Пришлось подняться на машину.

Рябцев еще мог выбраться на берег, но он не хотел оставлять бульдозер: если подоспевет помощник он сможет зацепить бульсар и спасет не только себя, но и машину.

На тревожный крик сбежались жители села Головинки, но они никак не могли помочь бульдозеристу. А вода стремительно приближалась. Вот она уже закрыла всю машину и подобралась к ногам Рябцева.

— К дереву! Плыви к дереву! — кричали бульдозеристы из берега.
Дерево, голая корона которого возвышалась над бурлящими волнами в несколых метрах от течение, было единственным спасением для плавающих на спасение, и бульдозерист вплавился к нему. Холодная, ледяная вода захватила дых, сковала тело, но Рибенс сумел ухватиться за рукоями за дерево и задержаться.

— Лови веревку! — кричали с берега.

Над кипящей рекой взвился камень с привязанной к нему веревкой. Камень упал в мутный поток, не долетев до Рябцева.

Много раз бросали веревку, но бульдозерист не смог поймать ее. Потом ему стало не до веревки: на дерево, ниша, как и он, спасение поползли змеи, и пришлось отбиваться от них.

Между тем погода ухудшалась. Пошел дождь, скоро перешедший ливень, подул холодный ветер.

Испробовав все средства, люди на берегу вызвали вертолет. Машина довольно быстро появилась над рекой и сделала несколько попыток опуститься и задержаться над Рибцевым, но вертолет не смог снять с дерева закончившего и уже ушибившегося в силу человека: то машину сносило ветром, то мешали

Прошло около шести часов. Вульдурэцкий, да и многие люди на берегу начали терять веру в спасение, когда в воде, метров пять выше, на гребне волнуночного потока, мельнула маленькая лодочка. Ее бросало, как щепку, на пенявшемся стремительно летоно, крутило на водоворотах. Однако человек, стоявший в углой лодочки, энергично орудовал веслом, и лодочка ловко выходила из водоворотов и стремительно неслась к дереву, на котором находился Раб-

На берегу одни восхищались, другие выкрикивали советы, третьи предупреждали об опасности.

— Петро, пропадеш! Ты что надумал! Петро-о!.. — послышался пронзительный женский голос.

Но Петро уверенно вел свою лодочку на полузатопленное дерево. Расстояние сокращалось с каждой секундой. Вот уже между деревом и лодкой осталось тридцать, двадцать, десять метров...

Лодочкин нагнулся, сделал не сколько быстрых и сильных движений веслом. Лодка, став попере к течению, ударились о ствол дерева и на миг остановилась. С двери в нее не прыгнул, а просто свалился Рябцев. Синий, начинаящий лодки зачерпнула воду... Еще миг — и ее захлестнула бы мутный поток. Но Рябцев быстро присел на корточки, волнистыми шагами подошел к равнине, и она вновь покатила свое течение, понизившиеся весом каждого и знающего свою силу человека. Проплыла сквозь ниематовку, речка ушла в море, а Рябцев, она у самого моря пристала к берегу.

Жизнь двадцатишестилетнего бульдозериста Рябцева была спасе-

на.
Отважным человеком, спасшим Рябцева, оказался молодой рыбак из местной бригады рыболовов Петр Задорожный. Услышав крик о помощи, он на собственных плечах перенес свою лодку километров на два выше против течения и оттащил ее к берегу.

туда начал свой опасный рейс.
И. ЗАЙЦЕВ
г. Сочи

Рисунок В. Орлова

ВЕЛИЧИЕ НАШИХ ДНЕЙ

Советская страна, вся ее двухсотмиллионный народ готовится торжественно отметить сорокалетие Великой Октябрьской социалистической революции, осуществившей замысел государства, основанное Владимиром Ильинским Лениным, государство, где есть принадлежность каждого труда к стоящему на пороге социализма пути, с гордостью отдававший большую, поистине гигантский путь, пройденный за четыре десятилетия. Для этого пути идет наша страна, созданная великими идеями Коммунистической партии. Этот путь привел нашу Родину к бурному расцвету, к всемирно-экономическому и политическому величию венамах.

В результате последовательного правления и непрерывной генеральной линии на промышленное развитие тяжелой индустрии, на основе всей советской экономики, народы Советского Союза, преодолевая все трудности экономической и культурной отсталостью нашей страны, создали могучую социалистическую индустриальную базу для дальнейшего строительства сельского хозяйства, добились невиданных успехов в науке и технике, достичь огромного подъема всех производственных сил СССР.

За годы Советской власти наша страна обогнала в экономическом развитии многие капиталистические государства. Промышленное производство вышла на второе место в мире, оставив позади такие крупные капиталистические державы, как Франция, Германия и другие. В 1957 году производство промышленной продукции в 30 раз превышает уровень 1913 года, почти в 70 раз — уровень дооцененного 1940 года.

Теперь мы распологаем всеми необходимыми условиями для того, чтобы на основе нашего экономического и социального опыта, соревнуясь, решить в исторически кратчайшие сроки основную экономическую задачу СССР — догнать и перегнать народы развитых капиталистических стран по производству продукции на душу населения. Седьмая сессия Верховного Совета СССР назначена на 20 апреля. К этому времени народ за 40 лет Советской власти, и наметила грандиозные перспективы. Они обозначены сейчас не только в развитии нашей страны.

Сессия рассматривала вопрос о дальнейшем совершенствовании организаций управления промышленностью и строительством. На сессии председатель всесоюзного обсущенения тезисов доклада тов. Н. С. Хрущева, в нем поднятое участием более 40 представителей народного хозяйства союзно-共和国ских министерств, Совета Министров СССР осуществляют руководство Советами народного хозяйства через Советы министров союзных республик.

нашей страны высказалось в печати — на страницах газет и журналов.

Эти цифры ярко показывают, что ленинский метод строительства и общественный характер советского государства, обеспечивающего не на словах, а на деле самое широкое участие миллионов масс трудящихся в решении вопросов разви-

тия народного хозяйства стран.

В выступлениях депутатов Верховного Совета СССР, как и в ежегодном послании Президиума Верховного Совета СССР, высказано мнение, что проводимая перестройка управления промышленностью и строительством должна привести к большим успехам в работе нашей индустрии, новых достижениях в строительстве. Эта перестройка создает еще большую возможность для дальнейшего развития творческой активности рабочих и инженерно-технических работников.

Сейчас в нашей стране имеется более 200 тысяч государственных промышленных предприятий и свыше 160 тысяч строительных организаций, расположенных в центре — из министерств и ведомств — становятся все труднее.

Необходимо перенести центр тяжести руководства производством из рук министерств и ведомств — ближе к предприятиям и стройкам. Это

означает, что руководство впереди должно осу-

ществлять свою работу по территориальному признаку. Организационная форма такого управления явится Советы народного хозяйства, управляемые централизованными районами, Совхозами, будут лучше знать конкретные нужды производства, будут с большими знаниями и опытом руководить предприятиями и стройками, опирясь на рабочие коллективы.

Ленинский принцип демократического централизации, осуществляемый в строительстве, требует органическое сочетание единого централизованного, планового руководства с самой широкой демократической формой участия рабочих в решении творческой активности народных масс, приобщенных Советской властью и управлением, горячим интересом к работе, к делу, и отвечающих решениям седьмой сессии Верховного Совета.

Сессия приняла Закон о дальнейшем совершенствовании организаций управления промышленностью и строительством. Согласно это-

му закону управление эти видами производством союзно-共和国ских министерств.

Предприятия и стройки, принадлежащие им, передаются в управление народных

советов, союзных и республиканских администраций, районов.

Совет Министров СССР осуществляет руководство Советами народного хозяйства через Сове-

ты министров союзных республик.

В новых условиях возрастает роль Госплана СССР, который должен являться научным планово-экономическим органом народного хозяйства и строительства и осуществлять руководство промышленностью и строительством. Важные задачи предлагаются Законом на Государственный научно-технический комитет Совета Союза.

Горячее одобрение депутатов и всего народа строителям разработанные партией и правительст-
вом планы по дальнейшему развитию промышленности и строительства в союзных и автономных республиках в

производстве, хозяйственным строительством. Закон устанавливает, что перестройка управления промышленностью и строительством должна быть осуществлена до 1 июля 1957 года.

Коммунисты, наша молодежь, подростки, принявшие активное участие во всесоюзном обсуждении этого вопроса, стоявшего на повестке дня сессии.

Теперь перед Законом промышленности и строительства стоят новые задачи. Пусть коммунисты, молодежь, интеллигенты, трудящийся на благо Родины, памятят, что они являются верными помощниками Коммунистической партии в решении всех ее величественных начинаний.

Выступая с докладом на сессии Верховного Совета, председатель ЦК КПСС Н. С. Хрущев сказал:

«Немаловажную роль сыграет перестройка управления промышленностью и строительством и в деятельности нашего Ленинского комсомола, верного и инициативного помощника партии в решении этих задач. Не раз говорил, наша славная советская молодежь проявляли замечательную инициативу, понимали пример членов партии, коммунистов в решении наших общесоюзных задач. Так было в строительстве новых индустриальных центров и ты-
чиных промышленных районов, в освоении целинных и залежных земель во всем самот-
верженном труде советского народа по стро-
ительству новых индустриальных центров и ты-
чиных промышленных районов, в строительстве ком-
сомольцами, нашей молодежью отмечается но-
вые возможности для проявления творческой

активности в области строительства и строительства, советская молодежь, возглавляемая Ленинским комсомолом, сможет оказать

замечательную помощь в решении задачи по улучшению работы промышленных и строительных организаций в улучшении ра-
боты предприятий и строек, в освоении при-
родных богатств нашей страны, в развитии на-
родного хозяйства, особенно в восточных районах стра-
ны».

Приятны взвешенные решения. Для каждого сор-
вятского гражданина, каждого патрона содей-
ствовать быстрейшему претворению их в жизнь.
Этого требуют интересы Родины. Интересы на-
рода.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май. № 10. 1957 год.

Год
издания
34-й

МЫ ЖИВЕМ В ГОРОДЕ ВЛАДИМИРЕ...

Фото В. Тарасевича.

Кажется, это началось так. Во время перемены ребята заговорили о предстоящем юбилее города: в будущем году древнему Владимиру-на-Клязьме исполнится 850 лет. Сперва разговор имел «историческое направление» и протекал мирно. Но вскоре заскапел жаркий спор, и кто знает, чем бы он закончился, если бы не звонок,озвестивший о начале урока.

Причиной такой горячности была пренебрежительная реплика, брошенная одним из ребят:

С таким бравым барабанщиком хоть все окрестности обойди — усталости не почувствуешь...

Исполнилось тридцать пять лет пионерской организации Советского Союза. Эта славная организация юных ленинцев была создана 19 мая 1922 года решением Второй Всесоюзной конференции пионеров. В ряды пионеров вошли дети тех, кто штурмовал Зимний, был с Денинским, кто отражал атаки иностранной интервенции и восстанавливал народное хозяйство молодой Советской республики. В первое время пионерская организация насчитывала более трех тысяч детей. За прошедшие годы ее численность выросла, она стала Альянсом гигантских новых надежд надеяться миллионов юных граждан Советской страны. Это смены комсомола, это — наше будущее!

Готовность посвятить себя великой цели — быть торжеством дела Ленина — юные пионеры не раз подтверждали замечательными патриотическими делами. Мы помним, как в разгар Морозовской стройки подняли Сашин Челлендж. Володя Дубинина и многих других пионеров, Болшевскую любовь к пристрастительности города снискали тимуровцы.

Готовясь к сорокалетию Великого Октября, пионерские дружины отправились в походы по новым просторам нашей Родины. Эта всесоюзная акция сплела пионеров и школьников, посвященная великой дате, поставила перед собой задачу найти полезные ископаемые, новые строительные материалы, собрать лекарственные травы, помочь народному хозяйству.

Сейчас, в дни, когда пионерская организация отмечает свое тридцатипятилетие, читатели «Смены» шлют юным ленинцам нашей страны горячий комсомольский привет!

— Подумашь, древний.. А что толку? Как был провинциальным, так и остался...

Разве могли спокойно перенести это юные патроты Владимира? Но не доказывать свою правоту силой. Надо было придумать нечто такое, что заставило бы «экспертиков» изменить свое мнение, пробудило бы интерес к изучению истории родного города, обогатило бы их новые знания.

И вот после занятый в пионерской комнате школы № 13 собрался совет дружин. Было решено посвятить очередной сбор прошлому

и настоящему Владимира. Долго обсуждали тему сбора и, наконец, сформулировали ее так: «Мы живем в городе Владимире».

Каждый из девяти пионерских отрядов школы получил самостоятельное задание. Одни должны были подготовить материалы, связанные с прошлым во Владимире: В. Ильин — о древней истории города, А. Красильников — о его революционном прошлом. Патриоты работали над темой «Как изменился город за годы Советской власти», прошлое названий некоторых улиц и историю подпольных большевистских типографий. А пионеры из 7-го «А» класса решили побывать перед сбором на всех крупных промышленных предприятиях города и подготовить сообщение: «Что выпускает Владимир за один день».

Торжно пригласили ребят за дело. С каждым днем они узнавали все новое и новое о своем городе: его историю, сегодняшних достижениях и перспективах развития в ближайшем будущем. И с каждым днем Владимир становился для них ближе и роднее.

Во многом помог пионерам местный краеведческий музей. Здесь они узнали, каким крупным политическим и культурным центром древнерусского государства являлся Владимир в XII—XIII веках, познакомились с его революционным прошлым. Пионеры 5-го и 6-го классов встретились со старой коммунистической Н. П. Караковой, принимавшей участие в работе в 1905 году Нижегородской Промышленной земской управы в борьбе большевиков Владимира против самодержавия, о том, как собирались они на маевки, выпускали листовки и провозглашали, занимались в марксистских кружках. Этими кружками в 1892—1893 годах во Владимире и Орехово-Зуеве руководили один из первых революционеров-марксистов в России, Николай Евграфович Федосеев, которого В. И. Ленин оценивал как «необыкновенно талантливого и необыкновенно предан-

В дворце пионеров ребята научились делать пена только модели пароходов. Но не за горами время, когда они будут строить и водить настоящие корабли.

ногу своему делу революционера». Владимир Ильин поддерживал с Федосеевым переписку, в 25 сентября 1893 года приехав в Владимир, чтобы познакомиться с писателем. Однако встреча не состоялась, так как Федосеев находился в тюрьме. Все эти сведения пионеры записали в отрядный «Летучий дневник».

Школьники посетили также дома, где некогда помещались подпольные большевистские типографии, и сделали из фильтров макеты этих домов.

Другая группа ребят подготовила альбомы, посвященные своим знаменитым землякам, выдающемуся композитору С. И. Танееву, революционеру и писателю А. И. Герцену, «одну русской авиации» Н. Е. Жуковскому, конструктору авиационных моторов Герою Социалистического Труда А. А. Микулину, выдающемуся физику А. Г. Столетову.

Звено пятого отряда заполнило свой «Летучий дневник» цифрами и фактами, наглядно показывающими огромные изменения, происшедшие во Владимире за годы Советской власти. Из этого дневника известно, что города Владимир и превратился в значительный индустриальный и культурный областной центр. Владимирцы законно гордятся замечательными заводами, созданными здесь в годы пятилеток, оснащенные новейшей отечественной техникой: предприятиями по производству особо точных станков, автомобильных приборов, тракторов, химических продуктов. Но пустынном некогда Всполье вырос новый благоустроенный район города с многоэтажными жилыми домами, широкими асфальтированными улицами, школами, клубами, магазинами.

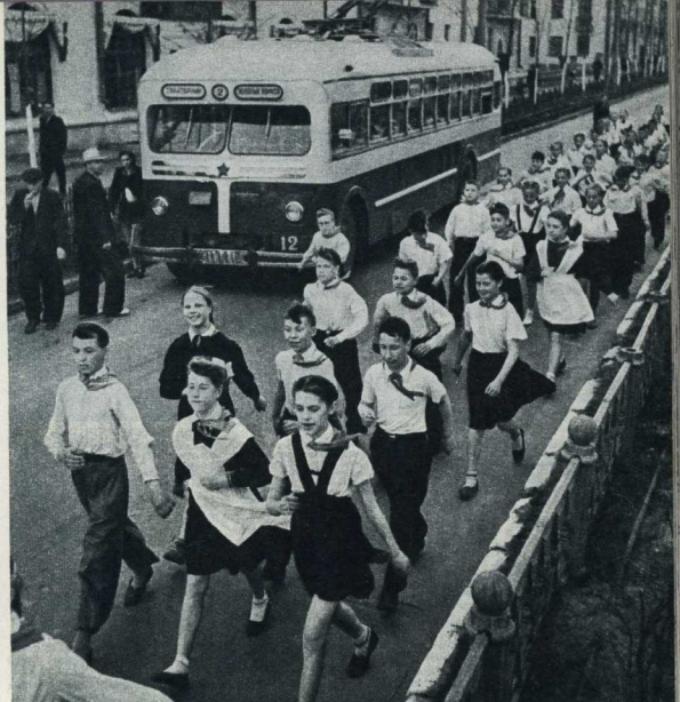
Пионеры шестых и седьмых классов побывали на Владимирском тракторном заводе, «Автотрите», Химическом заводе, в паровозном депо, на швейной фабрике. Сколько интересного увидели они здесь, как много нового узнали! Не забыли ребята собрать сведения о Владимире, снять кинематографическую пленку с прогулками преобразования города, сбрасывали фотографии, сделали фотомонтажи.

Наконец, остались позади дни подготовки, и пионерская дружина пришла на сбор, который явился славной страницей в истории 13-й школы.

— Мы посыпаем этот сбор нашему родному городу! — сказал председатель совета дружинники Владимир Ильин.

Началась подготовка отряда. Одни за дружину, другие — пионеры, Наташа Тарасова и Олег Куриников рассказали о богатой, уходящей в даль веков истории Владимира, Тоня Желудкова — о его славном революционном прошлом, Виля Захарова — о том, что выпускают предприятия города за один рабочий день. Семилакинца Гали Давидовича спела песню, Наташа Воронина и маленькая Оля Голубева из третьего класса прочитали стихи поэта из Владимира. А привезенные ребятами на сбор архитектор А. В. Столетов рассказал пионерам, как будет выглядеть город в конце шестой пятилетки.

Теперь все пионеры 13-й школы с гордостью говорят о своем городе. Познакомив-

Когда по улицам Владимира, выстроившись в колонны, проходят пионеры, взрослые невольно останавливаются и с нескрываемой гордостью за молодое поколение смотрят им вслед.

шись с прошлым, настоящим и будущим Владимира, они сейчас хотят изучить достопримечательности области. Когда наступят летние каникулы, пионеры этой дружиной виснут на плечах рюкзаков и отправятся на поход по родному краю.

...Над привольными вешинами плавесами Клязьмы, несущи свои воды по просторам древней владимиро-суздальской земли, город висится на холмах: стены прекрасных памятников русской... старине — Владимирского кремля, Успенского и Дмитриевского собо-

ров, Золотых Ворот. Отсюда хорошо видны громады заводов современного, советского Владимира, о которых пишут в газетах. И когда мы коротко рассказали. И когда думали о хороших патротических делах ребят, о том, как встречают они 35-летие пионерской организации имени В. И. Ленина, невольно вспоминаются слова Алексея Максимиончика Горького:

«Пионеры, это — смена, это резерв всего, что сделано и делается».

К. ВАЧНАДЗЕ

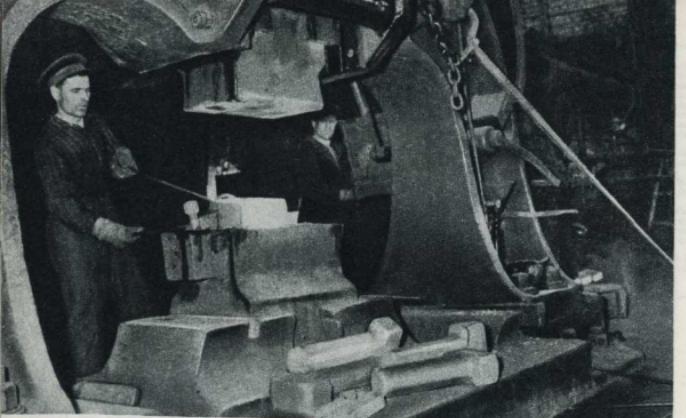
Впереди — упорные скакушки на беговых дорожках, футбольных полях, водных станциях. Успешно готовятся к ним пионеры 25-й владимирской школы.

Сиюно новых саженцев яблони, груши, знаменитой владимирской сливы высадили пионеры! Разрастается во Владимире пионерские сады...

Много интересного увидели и узнали школьники во время экскурсий на завод. И уж, наверное, не один из них решил стать тракторостроителем.

Кузнецкий цех Сталинградского металлургического завода «Красный Октябрь» неверен по размерам. Несмотря на то что в первом квартале выполнение плана всех заводов, так как здесь готовятся запасные части и инструмент для всех цехов. Программу первого квартала 1957 года цех выполнил по всем показателям на 109 процентов. Несколько месяцев кузнецкий цех занимает первое место в социалистическом соревновании. На снимке: в двухтонном паровом молоте.

Фото С. Куринина (Фотохроника ТАСС).

РАБОЧАЯ СОВЕСТЬ

В это утро в кабинете начальника кузнецкого цеха ставропольского завода «Красный Октябрь» было по-весеннему много солнца. В распахнутую форточку врывался прохладный воздух. Звонкая дробь капели не могли заглушить даже глухие удары молотов.

Начальник цеха Федор Ильич Рыков сделал за старением письменным столом и просматрировал сюдки.

— Андреев Георгий! — сто тридцать процентов, Чадов Алексей! — доложи семнадцать, Чадов Михаил! — это давайтесь!

Алексея Семеновича Чадова и его сына Михаила знали не только на «Красном Октябре». У них была редкая в кузнецком деле специальность, и двум мастерам по сварке цепей нередко давали выполнить заказы даже с других заводов.

Посыпалась короткий и резкий стук в дверь. Федор Ильич оторвался от сюдок.

Кабинет тяжелой походкой вошел младший Чадов — высокий широкоскульный парень в кожаной куртке.

— Легок на помине! — улыбнулся начальник. Привет, Михаил!

Чадов нахмурился, неуклюже переступая с ноги на ногу и молча положив на стол сиять, покрытый пятнами копоти лист бумаги. Это было заявление с требованием срочно предоставить квартиру.

— У твоего отца две комнаты? — спросил начальник цеха.

— Две.

Рыков вздохнул:

— Знаю, тесновато вам после твоей женитьбы. Но сделай пока ничего не могу. Сам знаешь, тут с жильем...

— Голосок найдет... — усмехнулся кузнец. — Кое-кого можно уложить на ящи, как это там называется?

У нас в цехе двадцать человек остро нуждающихся. Что скажут они, если мы тебе квартиру вне очереди предоставим?

— Что они скажут, мне неизвестно, — сухо ответил Чадов. — А я так скажу, Федор Ильич: не будет квартир — готовьте расчет.

Он небрежно нахлобучил на затылок широкую промасленную кепку и двинулся к выходу.

— Погоди, Чадов! Осеню у нас новый дом...

Но кузнец, не оглянувшись, резко хлопнул дверь.

Воздух печи, где работал отец, Михаил задержался.

— Ну что, договорились? — спросил Алексей Семенович.

Михаил многозначительно подмигнул:

— Договоримся! Ему там ультиматум поставил.

Вознявши на смыка, отец нахмурился, но ничего не сказал.

На следующий день стало известно, что начальник цеха и председатель цехового комитета профсоюза решили просить заводом предложить Михаилу Чадову квартиру вне очереди. В цехе к этой вести отнеслись недобродушно. Чадов же отнеслась к нему с интересом, отнеслась к нему с любопытством. Михаил встречал осуждающие взгляды товарищей. Один из рабочих подошел к нему и с горечью проговорил:

— Как же ты это, Миша, а?.. Я, брат, полтора года квартиру жду. Надоело по частям мотаться с двумя ребяташками. А ты взял «перекладину»! Нехорошо... Ведь я неуже же...

Начальству виднее, кто лучше, кто хуже! — отрезал Михаил.

Кто-то из кузнецких, стоявших рядом, выругался. А старый, седусый контролер, которого в цехе называли «дедушкой», сурохо сказал:

— Рано ты, Мишка, в феномены метишь. Гляди, споткнешься!

Но Чадов лишь покачал плечами.

В конце смены к начальнику цеха занес секретарь цехового бюро комсомола Иван Бабай. Он привез ему на табакетку речь школьного завтрака:

— Знаме, Федор Ильич, ваше решение ходатайствовать о квартире для Чадова мы считаем неправильным!

— Кто это «мы»? — спросил начальник.

— Комсомольцы. Дело не только в квартире, Федор Ильич. Мы ведь человека губим... Чадов и так уже испорчен особым вниманием. От комсомольских поручений отказывается, на товарищей смотрит свысока. Одернуть бы его

нужно, к порядку призвать, а не потакать ка-
призму!

— А что же мне делать, по-вашему? — раз-
драженно спросил Рыков. — Завод без цепей останется? Голову за это снимут не с вас, а с меня!

— Завод без цепей не останется. Мы говори-
м с отцом Михаила. Он берется обучить
кого-нибудь из ребят.

Некоторое время Рыков молчал.

— А вы уверены, что найдется кузнец, кото-
рый согласится перейти на ручную ковку?

— Здесь искать нечего. Раз нужно для де-
ла, на ручную ковку перейдет любой комсо-
молодец.

Михаил вышел из дома задолго до заводского гудка. Улицы еще были пустыни. Лишь воробы пригнали первые лужи, затянувших за ночь тонким, прозрачным ледком. Чадов поежился от утреннего холода, сунул руки в карманы светлого макинтоша и торопливо зашагал на завод. Впервые он шел на работу один. Еще несколько дней Алексей Семенович не разговаривал с сыном. «Не хочет старик, чтобы я от него отдался», — думал Михаил, обсыпаясь землей — от счастья, по-своему. — Ну, что, отходи-
и отходи...»

Около главной проходной Михаил остановился. Внимание его привлекла девушка, стоявшая у заведской Доски почета. Она, как показалось Чадову, прекрепила новые фотографии. Михаил подошел ближе и оцепенел: девушка снимала его портрет!

— Ты что, онумела? — хрипло спросил куз-
нец. — Зачем снимала, Чадова?

— Заслужил, значит! — браво отвела девушка.

Она прикрыла застекленные створки, глянула на парней и, узнав его, протянула наスマшено:

— Доступался, Эх, ты...

Завищал басовитый гудок, на улицу повалила толпа металлургов, работающих вничью смеше, а Михаил все стоял у Доски почета и ошеломленно смотрел на пустое место, где вскоре несколько минут назад апелла его фотографии.

Через полчаса, когда Михаил приступил к работе, возле печи Чадова-старшего появились одни из лучших кузнецов цеха, Георгий Андреев.

— В ученики к вам направили... — смущенно сообщила она. — Примите, Алексей Семенович?

— Вученик — так в ученики. Отчего я не принять? — добродушно усмехнулся старик и выразительно посмотрел на сына.

Михаил отвернулся. Тревожное предчувствие чего-то горестного и непонятного, возникшее утром на проходной, сейчас овладело им снова. Он положил молоток на наковальню и направился к рабочему месту папы.

— Как же с женой? — Федор Ильич? — с деланной беспечностью спросил Михаил. — Сделаны замок или как?

— У завода нет для вас квартиры, Чадов, — сухо отвечал Рыков.

Кузнец с усилием растянул в улыбку дрожущие губы:

— Так. Понятно. Думаете, что Герка Андреева способен меня заменить? Сомните, Федор Ильич, не просчитайтесь!

Присел к столу, Чадов небрежно размашистым почерком написал заявление об уходе.

— Помни, по закону ты обязан работать еще два недели! — сказал начальник. — А там... получишь расчет!

Все уже несколько дней Михаил присидел к двери. Он избегал встреч с отцом, поняв, что тот недоволен его поведением. Но из этого раз жена, открыла ему дверь, шепнула:

— Батя не спит. Тебя дожидается.

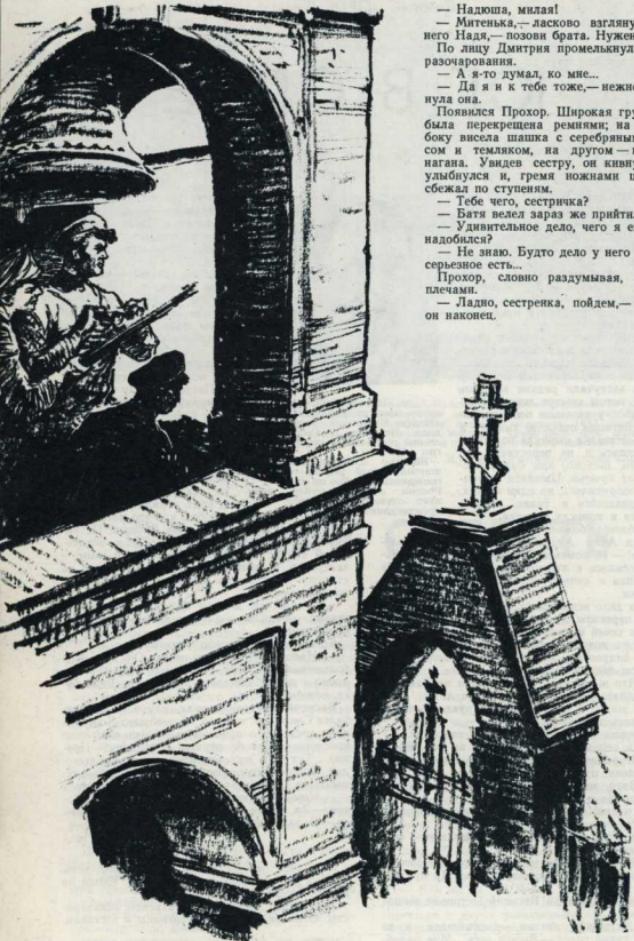
Михаил разделился, помедлил немного в прихожей, шагнул в комнату и остановился у двери. Алексей Семенович отложил газету и хмурился посмотрел на сына поверх очков.

— Чего истал-то? Садись, Георгию.

Михаил присел на край дивана.

— Долго ты думашь комедию ломать, род наш позорить?

Михаил вздохнул. Он сидел, опустив голову, и, казалось, созретично рассматривал носки модных, обрызганных грязью ботинок.

— Надюша, милая!

— Митенка, — ласково взглянула на него Надя, — позови брата. Нужен мне... По лицу Дмитрия промелькнула тень разочарования.

— Да я и тебе тоже, — нежно шепнула она.

Появился Прохор. Широкая грудь его была перекрецена ремнями; на одном боку висела шашка с серебряными эфесом и темляком, на другом — кобура пистолета. Увидев сестру, он кинул ей, улыбнувшись, и, гремя ножнами шашки, склонился в приветствии.

— Тебе чого, сестричка?

— Батя велел заряд же прийти.

— Удивительное дело, чего я ему понадобился?

— Не знаю. Будто дело у него к тебе серьезное есть...

Прохор, словно раздумывая, пожал плечами.

— Ладно, сестренка, пойдем, — сказал он наконец.

— Да я мельком видела... Кажись, маленький, черненький...

— Точно, — сказал Прохор. — Он... Михаил... Больше года уже Прохор не переступал родного порога. Подходя к своему дому, он волновался.

— Пропа! Милый мой, — всхлипнула руками Анна Андреевна, — наконец-то пришел, родимый! Сейчас соберу тебе позавтракать.

— Спасибо, мама. Я уже завтракал. Где отец?

— В горнице... Иди, иди, смышика, помирись с ним.

Приоткрыты двери. Прохор спросил:

— Можно, батя?

— Заходи! Садись!

— Но беспокойся, батя, постою.

Василий Петрович, покраснев, оглянулся Прохора. Подоконная лампада света ему опиравшись.

— «Хороши ж у меня все-таки дети» — с гордостью подумал он и вздохнул. — Только вот вояха их загубил...

— Вот что, Прохор, — сорвал начальник Петрович. — Хоть я на тебя и дюже сердце имею, но все же дите ты мне родное... Всех жалко вас, — дрогнувшим голосом заговорил старик и поднял руку с расстопорщенным пальцами. — Это все единно, как вот эти пять пальцев... Каждый из пальцев — это отец, браты, больни. Так я и говорю: ты к красным пошел, Константин — к белым. Ты командарм стал у красных, Константин у белых полком командует, уже чин полковника получили...

Прохор заметил, как в голосе отца прозвучали горделивые нотки.

— Пощли мы супруги друг дружки, — продолжал старик. — И до братоубийства можете дойти... До чего мы дожили, господи, брат с родным братом воюют, отец на сына поднялся! Тогда-то вся эта катавасия закончилась. Большевики-богоизгощики решки наведут!

Потемнее лицом, Прохор жестоко взгляну на отца. «Вот ты как запал» — подумал он с горечью.

— Бросай все, Прохор, иди к брату, — наставительно сказал старик. — Могу сам тебя провести к нему. Иначе сгинешь неминуемо. Жалко мне тебя, братишка... Ему барабан гадала да народ спасала, то ли умереть, то ли нет. Даром мы жизнь свою не отдали!

Прохор, поклонив матерь. Весь если что с собой случится, она не вынесет горя.

— Батя, — твердо проговорил Прохор, — почему быть, того не миновать. Умереть в честном бою не страшно. Это честнее, чем холуйничать...

Прохор помолчал немного, потом тихо, с упреком произнес:

— Ну, жалко же, батя, хотите меня с привального пункта столовнуть? Неужто вы не помните, где правда?

— Хватит! — грубо оборвал старик. — Слыхали мы такие песни... Хотел я тебе добра, хотел от смерти упасти. А раз так, то не с чем мне с тобой разговаривать... Иди!

— Просите, батя!

Прохор готовился к встрече белых: на подступах к станице выставили заставы, по дарам послал разъезды.

Разведчики часто удалялись верст на пятьдесят — двадцать от станицы, но белых не встречали. «Да же Константин со своим отрядом» — подумал Прохор.

Уединившись в связке Максимилиана Смирнова с Константином, Прохор решил арестовать его и послал за ним Сазона Меркулова с двумя красногвардейцами. Но они вскоре вернулись ни с чем.

— Убей Максимка, — угромно заявил Сазон.

— Как убей? — поразился Прохор. — А где Адунчиков? Звонарев?

— Адунчиков тоже убежал, к Звонарев в ревком.

— Почему же ты не арестовал Звонарева?

— А за что его арестовывать? Парень он же плохой...

— Брось рассуждать! — вскинул Прохор.

— Слушаюсь! — козырнул Сазон и, повернувшись кругом, шагая к станичному правительству, в котором теперь размещался ревком,

Отогнав коров на пастбище, Надя робко подошла к школе, остановилась в нерешительности, оглядывая незнакомые красногвардейцы. Брата Прохора среди них не было видно.

— Иди, голубонька, ко мне, — позвал ее какой-то молодой озорник. — Посажу тебя к себе на коня, и умчимся в далекие края...

— Не дури, Мишка, — осадил его казак постарше. — Это же сестра нашего командира.

— Ну? — смущился парень. — Я же так, шутя...

— Гмм, а то он же даст шутейно! — усмехнулся казак и крикнул девушке: — Эй, барышня, тебе мой надобно?.. Не братя ли?

— Да, — ответила Надя.

— Вон писара его идет, — указал казак на темноволосого парня, спускавшегося со школы крыльца. — Эй, Шушлабин, командир воин ей нужен!

Шушлабин просиял и, придерживая шашку, подбежал к Наде.

Дорогой Надя, взяв с брата слово, что он об этом никому не скажет, сообщила ему, что вечером к нему приходил какой-то незнакомый казак и отец с ним долго о чём-то разговаривал в горнице.

А потом отец посыпал Захара на Смирновым, — продолжала Надя. — Как пришел Смирнов, так они сейчас же куда-то ушли с тем казаком...

— Что там говоришь? — Прохор даже приостановился. — А ты не знаешь, как зовут этого казака?

— Слыхала, называли его ароде Котом, — усмехнулась Надя.

— А может, Котовым?

— «Котом?» — Перебирал в память Прохор.

Что за Котом?

Он вспомнил, что Котовы жили на хуторе Бураковском. Было их два брата — Фома и Михаил. Фома служил в Красной Гвардии, а Михаил Прохор ничего не знал.

— А каков он собой, Надюша?

Вскоче он вернулся с растерянным Звонаревым.

— Здорово, одиссус! — приветливо сказал Звонарев, протягивая руку Прохору.

Лицо у Звонарева было такое открытое и простодушное, что, казалось, заподозрить его в чем-нибудь злостном было просто невозможного.

— Здравствуй! — синул ему руку Прохор. — Где Смирнов?

Черт его знает, куда он девался! Позавчера еще вместе с Адучиновым пропал. Может, на хутора с проверкой поехали. Но ложди все на месте...

Прохор следил за выражением лица Звонарева, но тот держался естественно и просто, видимо, и впрямь ничего не знал.

— Кто звал Смирнова? Ты же, Илья, Звонарев?

— Простили мы. Ведь я же как-никак член партии! Вот только человек я несведущий... Ежели Максим скоро не явится, то прошу, Прохор Васильевич, избавить меня от этого дела... Ну какой из меня работник ревкома? Мне даже неизвестно, кто сейчас в Великокняжеской: белые или красные.

— Ладно, Павел, — сказал Прохор. — Поработай еще немножко.

— Не хочу, еб-её, не хочу! — горячо возразил Звонарев. — Ты лучше запиши меня в свой отряд.

В отряд всегда успеешь, а вот станция без власти не может ни на минуту оставаться...

Когда Звонарев ушел, Сазон, посмеиваясь, спросил:

— Ну, что ж ты его не заревировал?
— Бурда пока не за что.

— То-то и оно! — подмигнул Сазон. — Я же тебе говорил, что человеков от виноватый ни в чем...

— Посмотрим, — неопределенно прогнулся Прохор.

Несколько дней все было спокойно. Но однажды ранним утром за станцией вдруг послышалась боярдическая стрельба. Прохор, спавший в кашле в учительской школы, где разместился штаб отряда, вскочил и начал торопливо одеваться.

— Кони! — крикнул он Сазону.

Сазон бросился выполнять приказание.

Прохор сбежал по ступенькам крыльца, не прикоснувшись ногой к стремени, как птица, взлетел в седло и с места в кафель помчался туда, где слышалась стрельба. Сазон с одной из своих лошадей сел за него отстал.

Прохор догадывался: видимо, белые с ночи накапливали силы, чтобы к утру окружить станцию и не дать выйти из нее ни одному красногвардейцу.

— Сазон, — сказал Прохор, спешившийся в рощице. — Мчись в штаб и от моего имени прикажи начальнику разведки Кунинцу, чтобы послал разведчики по всем дорогам и выяснил обстановку. Понял?

— Так точно, понял, — хмуро ответил Сазон.

Нашились на глаза козырь фуражки, он кинул и помчался в станцию. С гребня застрикли по нему из пулепета.

Привязав лошадь к дереву, Прохор стал пробираться к заставе.

Красногвардейцы лежали в свежевырытых окопах у канавы, не сводя глаз с гребня. Командир заставы Коновалов, невысокий, подвижный человек с длинными белоснежными усами, бывший старшина из фронтовиков, доложил Прохору обстановку.

— Видать по всему, силы у них большие... Вон там, — указал он правее кургана, — сосредоточилась ихния конница. Сотни две, должно быть. У нас есть потери: трое ранено, один убит.

— Куда вы ранеными делаете?

— Пока в окопах. Под таким огнем из окопотов не достанешь...

— Ну, — сказал товарищ Коновалов, прдердъяясь, пока не прошло подкрепление.

— Не беспокойтесь, товарищ Ермаков, — зарыдал командир заставы, будем держаться... Он взглянул в сторону противника и усмехнулся: — Смотри, какой герой фасонист! Командир ихний, должно.

Прохор поднял бинокль. Хоть до кургана и было далеко, он отчетливо различил фигуру всадника на серой лошади, выделявшуюся на

фоне безоблачного, голубого неба. В посадке и движении всадника было что-то удивительно знакомое.

— Это же Константин! — звук вскринул Прохор. — Дайка мне ружье! — обратился он к прапорщику, лежавшему рядом в окопе.

— Деденек! — Прохор Васильевич, — замычал Коновалов.

Прохор не ответил и выстрелил подряд три раза.

...С отчаянным упорством отбивался отряд красных от наследников со всех сторон белогвардейцев. Местами дело доходило до рукопашных схваток. И каждый раз белые с большими потерями отходили назад.

Константин, схватив одной сотни к другой, прыгом и угрозами почуждал казаков, чтобы они не атаковали упирающуюся застылок конницу. Но Константина отлично понимал, что у красных иссякли последние силы, кончились патроны.

Он был прав. Из всего отряда Прохора уцелело не более трети, причем многие оставшиеся в строю ранены.

При этом, несмотря на изматывающую борьбу с красными, конница оставила на голове Прохора метну на своей лошади по станции.

Теперь не к чему было держать сильно по-редевшие заставы за окопами. Белые каждую минуту могли забыть в тылу и окружить. Прохор приказал всем уделевшим бойцам собраться в каменной церкви и выдерживать осаду, насколько хватят сил.

Из школы в церковь перенесли всех раненых, остатки боеприпасов, продовольственные запасы, налили бочки водой.

Молчаливый, суровый, сидел Прохор верхом на лошади у ворот церковной ограды, пропуская подходивших с застав красногвардейцев.

— Погоди с плачем побежала к нему Надя... — Погоди вдам... Я зараз видела, как белки вошли в станцию...

Где они?

— В нашей леваде. Батя к нам прошел... Дьявол старый! — выругался Прохор.

Братушка! — с отчаянием прошептала она. — Нагнись-ка, что скажу...

Прохор наклонился к сестре.

— Не сеновале у нас в сене хоть ветерком мороза не дунет, — сказал он. — Слажено! Мите и побьют скорей... Через сад пройдем, никого не увидят. Буду вам испечь еду...

— Милая Надошенька! Это ты хорошо придумала... Раненых будешь спасать...

— А ты? — упавшим голосом спросила Надя.

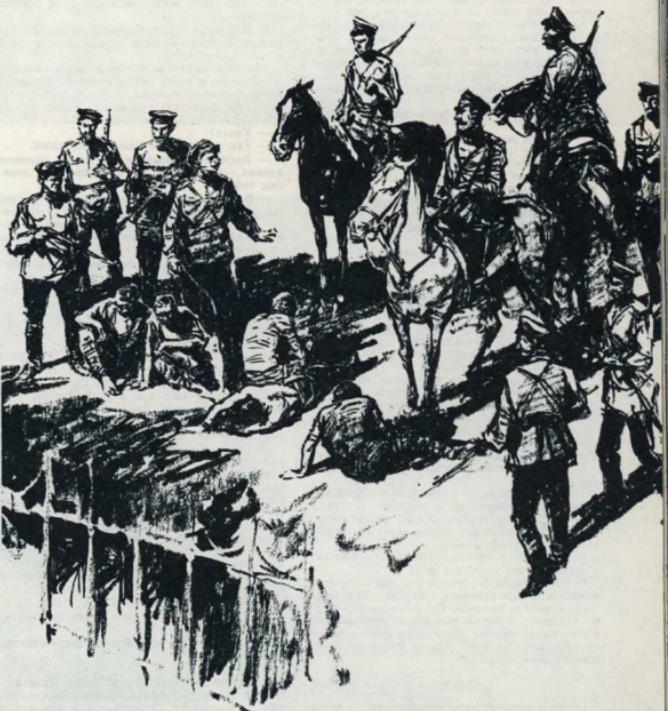
— Я не могу... — покаялся Прохор.

— Беды убьют, Проша! — простонала девушка.

— Видно, доля моя тяжая... Вот Митя ты, пожалуй, можешь взять... Парень он хороший. Надя, — Еши на краю сада. Иди ко мне к сестре, строго сказал Дмитрий: — Призываю, боев Шузыбина, немедленно взять в первых раненых Желудкова и Горемыкина и отвести их туда, куда покажет вот эта гражданская! — указал он на сестру.

— Слушаюсь!

Дмитрий соскочил с лошади и побежал в церковь.

К ограде подтягивались последние всадники. С минуты на минуту можно было ждать появления белых.

— Разинутый белый, снять седла! — приказал Прохор кавалеристам.

К Прохору подбежал запыхавшийся Звонарев.

— Односум,— крикнул он,— ты, никак, хочешь в церкви запереться?

— Пристис!

— Сазон Меркулович ждешь? — пытливо посмотрел на него Звонарев.

— А откуда он же известно, где он?

— Да когда он же берег у меня брал, то сказал, что за выручку поедет.

— Сиди, наверное, убит,— вздохнул Прохор.— Ходить помощи нечтула. Будем надеяться на себя.

— Что ж, Ермаков, мне не сказал, что буде-те ухороняться в церкви?

— Упстили из виду, Звонарев, прости.

— Так и тоже с вами буду...

— Милости просим...

Звонарев нерешительно шагнул на пантеру. Прохор еще некоторое время подождал, пока подъедет отставшие красногвардейцы. И действительно, подошли еще три человека. Взяли седла с седлом, спустили на землю.

— Закрывайте! — приказал он казакам, стоявшим у двери.

Чугунная дверь с гулом захлопнулась.

* * *

Белогвардейцы, угрожая расстрелом, приказали пленным красногвардейцам обложить церковь соломой. Проклятия себя за малодушие, со слезами на глазах, они начали таскать солому под стены церкви... Оставалось подплыть ее, но никто не хотел сделать это.

— Ну, — это скажет Константин! — увеселился один из казаков, стоявший с пистолетом в руке рядом с распостраненным в земле пленником.

Ничего не могли поделать, выше высокоблагородные... утирая рукою пот со лба, сказали урядник.— Не хотят, прохвяты, поджигати!

— Не хотят? И вы не можете их застать?

— Да как же, вы, выше высокоблагородие, засташь, ежели они не желают? — развел руками урядник.— Мы им и печенки угощали. Ничего не берут... Как все единоглавые, двоявлены!

— Эй, вы! — вскричалось в седле, заорал Константин.— Кто из вас сядется подъежеч солому, того я помидую!... Слышишь?

Пленные сидели молча, не шевелясь, словно не к нам обращался полковник.

* * *

Прохор стоял на колокольне и наблюдал в бинокль за всем, что происходило вокруг. Он видел, как по улицам сновали всадники, видел приготовления белогвардейцев...

— Товарищи командиры! — донесся до Прохора снизу испуганный голос.

Было спокойно, как по кирпичным ступеням в темноте кирпичного коридора забиралась вверх стена лестничного прощета показалось бледное лицо красногвардейца.

Все пропало!... Звонарев, мать его чорт, дрогнувшись с олим казаком. Укрылся дверь и убегли к белым... Von ihm! — указал он вину.

— Бейте в них! — приказал Прохор снайперам

и стремительно помчалась винтовка.

И чем быстрее красногвардеец слышал стапонущий шум и стрекота в церкви... В самом изну, в темном проходе, кто-то подставил ему ногу. Прохор кубарем полетел по ступеням. Ноги выпали из рук... Прохор попытался было подняться, но на него тяжело навалилось несколько белогвардейцев.

* * *

Прохора повели на суд вправление. Он шел, прихрамывая, крепко стиснув зубы, чтобы не застонастать от боли. Мучительно ныла нога.

Повязка на голове растрепалась, и кровавленный конек бинта волочился по земле.

Вправление Прохор бегло оглядел зал. Он был до отказа набит народом: видно, белогвардейцы уже согнали жителей на суд.

Зал был огромен, с потолком, покрытым склонной скатертью, сидели здесь военно-полевые суды, назначенный Константином. В середине грубо посолистом станичным атаманом Попов в белом подолинном китеце с есаульскими ми погонами. По бокам его сидели войсковой старшина Чернышев и Максим Свиридов, чувствовавший себя не совсем уверенно в новенических офицерских погонах. Позади на скамье расположилось несколько молодых офицеров.

В стороне от стола сидел Константин, держа нескользко на отеле забинтованную руку, словно подчеркивая: «Вот, мол, побоюсьться, люби-ди бодро».

Все зависело от Константина, и это многие понимали. Он мог бы не затевать этой комедии с судом, а сделала проще: расстрелять Прохора. Но он боялся ответственности, не敂одобрил бы своего акта, главное, не хотелось ссориться с родителями, особенно с матерью. Все-таки матер Константину по-своему любил. И он придумал суд. Это лучший выход из положения.

В зал влезли оставшихся в живых красногвардейцев. Их было человек сорок.

Опустив голову, Прохор сидел на скамье; ни на кого не глядел, и казалось, ничего не замечая. Он не видел, как в камину вошел отец и, синяя фуражка, стал в толпе казаков.

Атаман Попов поступал карапашом по гравнику.

— Внимание, господи! — властно крикнул он.— Заседание военно-полевого суда считало открытым.

В зале стало тихо. Старшины поискали фуражки. Тишину нарушил только плак матери и жен арестованных.

Два белогвардейца с обнаженными шашками подвели к столу побежденного от страха и потери крови раненого.

— Как фамилия? — спросил атаман.

— Дронов.

— Где?

— Так точно, ваше благородие, казак.

— Врешь! — громыхнул по столу кулаком атаман.— Сволочь ты, а не казак! Вот повеси себя.

— Взаше высокоблагородие... заледенел пепрятанный казак... Ошибку понес... прости... Дронов упал на колени и зарыдал... Прорызали ради бога!... Искульни вину... Попытай на первую линию...

— Позади одумалась, станичник, — уж молчал атаман.

— Ваше благородие... господин атаман... — взмолился по полу Дронов.— Истинный господи, заслужу прощение! Сликом меня винили в это дело...

— Кто винил? — спросил атаман.

— Да кто же? — затрепетал оглынулся Дронов на Прохора.— Вот он.

— Как же он винил, если ты не хотел?.. Да вставь ты на ноги, дурак! Что ты ползешь, как слоня? Расскажи толком.

Дронов поднялся, вытигнулся перед судьями, держа, как в строку, руки по швам.

— Так же, выше высокоблагородие... — точно разорвала, заговорил Дронов.— пришел ко мне одна национальная станичница... Сазон Меркулович... А в том стало

бывать, синяя моя фамилия значится: «Расшиб-шиесь, говорит он... а не то мы тебя к расстреле приговорим...» Ну, что, подадешь ли?

— И таким образом, стало быть, и пришлося мне попустить в красногвардейский отряд...

— Много побил казаков? — прикрикнул атаман.

— Ни одного, ваше благородие, — ответил Дронов.

— Врешь!

— Истинный господи! — поклялся Дронов.— Ведь я у него наврьде связанный был... — кинул он в сторону Прохора.— Так что в ход оружия пушить не приходилось.

— Ладно, разберемся, — проговорил атаман.

Ман. — Отведите его пока в арестное помещение.

К столу поднялся высокого красивого рыжеватого казака.

— Фамилия? — спросил атаман.

— А тебе не все един?

— Отвечай!

— Дубровин его фамилия. — тихо подсказал Свиридов.— Дубровин Савватий.

— Как попал к красным?

— А очень простой — усмехнулся Дубровин.— Взял ружье да и начал вашего брата уничтожать! Жалко, атаман, что я тебя на мушку не взял. Но ничего, ты тоже от своей пучек не уйдешь. Вот разраз перед вами отец подложил Дронов. Брехал он все... Он может дружком считаться, и мы с ним вместе сидели в тюрьме, а потом вступили. никто склонял его не пахал. А что касается того, что он говорит, никого не убивал, то тоже брешет. Мы вместе с ним в разведке служили и побудились немало белых гадов...

Прохор сидел на скамье недвижимо, наблюдав, как один за другим проходили перед судом его бойбы. Ни у кого из этих обреченных на смерть людей не выражалось и слова мольбы о пощаде. Единственным исключением был Дронов...

Но вот у дверей зала произошло замешательство. Кого-то втолкнули в комнату. Константин строго спросил:

— Чему это вы сидите?

— Больше никакими.

— Ведите сюда!

Казаки подвели к Константину трех избялых, израненных красногвардейцев и девушку.

— Косяг! — бросилась она к полковнику. Константин в изумлении поплыл, узев ее.

— В чем дело? — спросил он у казаков.

— В сене нашли этих бояльников.

— Пощипи прочь! — ворвался Константин.

Казаки отпрыгнули к дверям.

— Расскажи, Надя, толком, что дело?

— Я на сеновале хорохона своего жениха, вот се... — и синяя риска вспыхнула Надя.— и пришла к писаке, чтобы сказать, сено и мято пораняли... А потом весь избянал... И меня били... Я им говорю: мой брат — полковник, а они, черти безмозгловые, ничего не понимают. Вот притянули нас всех сюда... Кости!... — разрыдалась Надя.— Спаси ег... Спаси Митю!...

Константин был окончательно обескуражен: уж этого он никак не ожидал!

— Ладно, Надя, разберусь... Иди домой...

Но девушка не двингалась и умоляюще смотрела на брата.

— Ну, чего еще? — вскрикнул Константин.— Скажи, разберусь, разберусь...

Надя встала, перекрещивая руки вправление, как вдруг ввалил ее узел на Прохора.

— Прощай! — крикнула она.

Константин с досадой выглядел. «Него доброго, мать еще придет! Надо скорее кончать эту канитель!» Но этот момент кто-то, ворвавшись в зал, дико завопил:

— Красные вояши в станице!

У дверей сразу образовалась толчая.

— Стреляйте пленных! — крикнул Константин.

Но его никто не слушал. Испуганно озираясь, растяжками прикладами толпу на двери, белогвардейцы выбегали на улицу.

* * *

Константин, вытигнув нагай, посыпал на Прохора, на Надя, вздохнул, сунул оружие в кобуру и выбежал из комнаты.

Прохор почесывался, как кто-то перерезал веревки на его руках. Он глянулся. Это был отец.

И ничего не сказал, старик торопливо вышел на улицу.

Прохор подбежал к окну и распахнул его. Мимо правления, размыкавшейся пашнями, мчались всадники с красными звездочками на фуражках. К палисаднику правления подскакал рыжеватый кавалерист и, взмахнув фуражкой, закричал:

— Здорово, товарищ командир!

— Сазон, ты?..

— Ну, конечно дело, я... — усмехаясь, отвел Сазон.— Товарищ Буденный, видишь, какой привет тебе присал! — указал он на мчавшихся по улице всадников.

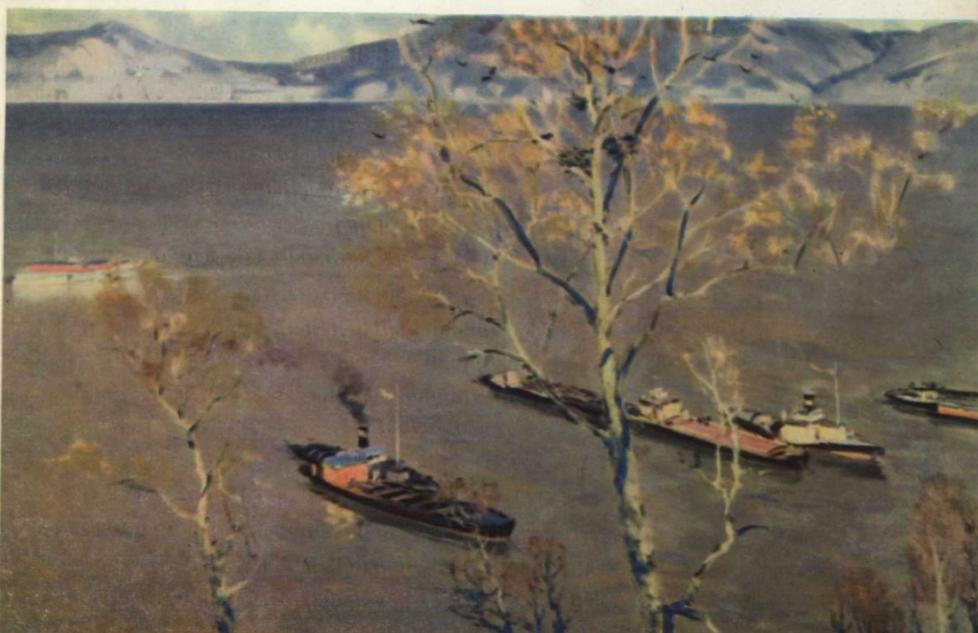

П. Сулиміенка. Чайки.

Я. Ромас. Молодое море.

Выставка к Весеннему съезду художников.

Н. Бурніев

Н. Попов. Миа.

Выставка молодых художников. 1957 г.

А. Абрамян. Быки.

Выставка к Всесоюзному съезду художников.

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

В СТОЛИЦЕ

Когда я в год звонил
Привез пакет в столицу,
Я, как хозяин, шел
Притиксанию Москвой
И с гордостью читал
На незнакомых лицах
Почтение к моей
Шинели фронтовой.

Мне уступали путь,
Меня все звали в гости
(Я пыльца этих дней
Домные берегу),
За здоровье мое
Привозили тосты
И говорили мне,
Что у меня в долгах.

Знаменный мой студент
[Теперь уж он профессор!]
Скученено за столом
Мне подливал вина.
Красавица,
В кино игравшая принцессу,
Была тогда в меня
За что-то влюблен...

...Я речь веду к тому,
Что если и теперь я
Приеду с цирка
Всю свою любовь пыши,
Пускай мне смотрят вслед
Не с фатовским презрением,
А так же, как тогда,
Когда мы мир спасли.

ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНИЕ

В тихий час цветения акций,
На пороге счастья и весны,
Девушки, которым восемнадцать,
Сняты однокомовки сми.

В сказе они властницы экрана,
Лебеди, скользящие в лучах,
Лодочки водят сквозь туманы,
Раненые выносят на плеча...

Девушки, они умеют верить,
В золотые восемнадцать лет,
Будто им дано по меньшей мере
В жизни осчастливить целый свет!

Потому они так ходят прямо,
Гордо, незнакомым взглядом
И своим незнакомым манам
Никогда немножечко дерзят.

НАРЦИССЫ

Я знал людей талантливых немало
[Которыми гордились бы страны!],
Но им самолюбовность помешала
Свои призвание проявить сполна.

Они талант не отдают народу,
Не идут правду, не живут «в глухих»
И смотрят не на мир, не на природу,
А только внутрь, в гривах своей души.

Лишь собственным любусом отражением
В чужих глазах, в безмолвных зеркалах,
Они умеют вызвать восхищение
В непросвещенных девичьих сердцах.

А как они искусны в разговорах!
Но годы все уходят [не вернешь!],
И вот
таких блестательных,
их скоро

За пояс затыкает молоденька.

Талант,
он пошлют обязан бросить вызов,
Завоевать бессмертие в борьбе.
А эти скажи с мальчиком Нарциссом,
Который умер от любви к себе.

НА БУЛЬВАРЕ

На бульваре Ваня и Таня
Из песка пекут пирожки,
И сидят молодые девушки,
Разомлевшие от тоски.

Май пыльцою пылит по скверам,
Над юношеским скворец свистит,
На груди у лилиицонов
Солнце в пуговицах блестит...

И становятся грустно девушки.
За чужими следят детьми,
Своего бы им изнанки Ваню
И свою бы им начинки Таню,
И пора уже, черт возьмь!

А из окон несется звонко
Голос простынь, как гроз:
— Василий! Смотри за ребенком!
Чтоб песок не попал в глаза!

ЛЕСНАЯ ПРОГУЛКА

Все дальше утренняя мгла
От солнца уплывает в чащу,
И листники, точно зеркала,
В глаза бросают луч слепящий...

Как хорошо в бору густом,
В цепком ельнике зеленом
Бродить с красавицей вдвоем
Веселым, юным и влюбленным!

А мы толчемся даже тут
По заколдованныму кругу,

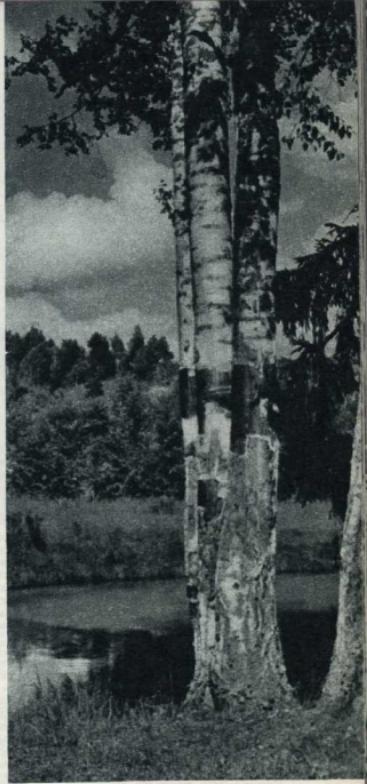

Фото П. Шведова.

Свою смешную правоту
Стараясь навязать друг другу.

Мы спорим, осуждаем юноши,
Швыряем упрямым словами.

А сосны молча смотрят вниз
И лишь качают головами...

* * *

Мне б снова нехитрого счастья,
Чтоб, сквозь твою руку рукой,
Под небом, горячим от страсти,
Лениво застыть над рекой;

Опять благогуляр с торговой,
Нагретой скрежетом дышать
И, чокаясь, пить газировку,
Как будто она брудершафт...

Целуясь, шататься по парку,
Смешать неблизицкую быль,
Прислушиваться, как пахнет
Прибывающим дождиком пыль...

Запомнить напоминное платье,
И теплого дождика плеск,
И рядом, на скользком асфальте,
Двух лаковых туфелек блеск...

НА БАРРИКАДЕ

Молодежь нашей страны готовится к сорокалетию Октябрьской социалистической революции. Отмечая наши победы в борьбе за социалистическое строительство, мы с глубоким волнением вспоминаем революционные подвиги наших отцов и дедов, завоевавших наше право на свободу и славу, на настоящую, счастливую жизнь. Сегодня мы продолжаем публичным заседанием в честь большевиков А. Ионова и А. Федорова, принимавших участие в революционной борьбе против самодержавия.

Неизгладимое впечатление осталось в моем памяти о явили в апреле 1905 года... Могучая волна гнева поднялась на народе, когда разнеслась весть о кровавых событиях в Петербурге. В тот же самый день мой отец, большевик, рабочий Трубного завода, по поручению подпольного комитета обратился к своим товарищам с призывом выступить против царя. Этот призыв был подхвачен и на других заводах Васильевского острова; и вот на улицах стали вырастать баррикады.

Мы, мальчишки, немедленно присоединились к своим отцам, строявшим баррикаду. Неведом откуда на улице понеслись тела, ящики, бревна...

Меня подозвал к себе отец и сказал:

— Надо перерезать провода...

Он объяснил, как это нужно сделать, и дал мне маленькийтопор.

Не легко и не сразу удалось выполнить первое боевое задание. Трудно было взобраться на скользкий, покрытый инеем телеграф-

ный столб. Сил у меня, десятилетнего мальчика, было не так уж много, к тому же на морозе деревенели пальмы. Но я орудовал топориком до тех пор, пока на землю не упали последние нитки провода.

Нарушив телеграфную и телефонную связь, рабочие выиграли время и успели построить баррикаду до прибытия казаков.

У рабочих не было никакого оружия. Они могли использовать лишь камни, вывороченные из мостовой. Мы помогали взрослым разбирать мостовую, подносили бульдожники к баррикаде.

Вскоре появились карательные казаки и открыли огонь. Защитники баррикада ответили градом камней.

Получающие, царские палачи!

Несколько казаков свалилось на мостовую, но караульи продолжали стрелять. Прячась от пули, ребята подносили камни.

Подползая к баррикаде с булыжниками, я увидел лежавшего на мостовой Васю, своего товарища, вместе с которым учился в заводской школе. Я не сразу по-

нял, что случилось, и хотел помочь ему встать. Но мальчик не двигался. Голова его была в крови...

Казаки подходили все ближе. Они не жалели патронов и засыпали баррикаду градом пули. Безоружным рабочим пришлось отступить.

Всю ночь я не мог заснуть, лежал и тихо плакал. Трудно передать, с какой ненавистью думал я об убийцах, стрелявших в народ у Зимнего дворца, стоявших по ту сторону баррикады. Эта ненависть к врагам народа осталась во мне навсегда.

Кровавая расправа на баррикадах не испугала ни рабочих, ни нас, детей. Когда в нашей школе разместились казаки, заняв половину классных комнат, мы незаметно пробирались к ним и одни-

жды сумели даже вытащить из здания живых заложников. Ребята рвали жалобы, но так и не удалось разгромить весь казачий отряд: после пропажи заложников нас пересталиpusкат к казакам.

Разгром баррикад не был по-

ражением рабочих. В скватах с врагом закалилась их воля к борьбе против царизма, против произвола и насилия, за свободу и счастье трудового народа.

Пришел тысяча девятый семнадцатый год. Созданная Ленинским Коммунистическим партийным комитетом и крестьян национальная самооборона — Великая Октябрьская социалистическая революция занесла свободу народа нашей Родины от рабских цепей капитала.

А. ИОНОВ,

член КПСС с 1910 года.

Рисунок А. Паукова.

ТЯЖКИЙ, НО СВЕТЛЫЙ ПУТЬ

Тысяча девятсот девятый год. декабря.. Резкий, порывистый ветер несет над землей колючую снежную пыль. Лютая забайкальская стужа, пустынная, голая степь, дорога... Мы медленно уходим все дальше и дальше, обутые в ботинки, одетые в серые арктические халаты. Ветер уносит в

степь глухой кандаленный звон. Бесконечным кажется нам путь до Нерчинска... Каждый день — тридцать верст настручу ледяному, обмораживающему ветру. А рядом с колонной политических караторж страной солдат-конвоиров с саблями наголо.

Люди шагают медленно, тяжело

Это было в 1917-м...

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Посмотрев на эту похожевавшую от времени фотографию, один из старейших российских фотографов Б. В. Васильев, воскликнул: «Да это же наше путинковские роты!»

«Не ошибись...» фотограф воскрикнул в память Василия Васильевича незабываемую картины тех грозных дней.

«24 апреля 1917 года в «Правде» на видном месте было напечатано сообщение о том, что Петроградский районный комитет РСДРП обращается ко всем районам с призывом открыть баррикады. На заводах и фабричных подростков с требованием охраны детского труда...»

Этот призыв горячо подхватила рабочая молодежь из всех предприятий Питера и особенно из Путиловского завода. На первом послевремени царизма демонстрации международной пушки тарской солидарности с детьми и подростками, ребятами готовились и Вася Васильев. В то время он был членом РСДРП. Родители его умерли: ему и его товарищам предстояло достать флаги, договориться насчет времени и места гуляния. За два дня до первомайской демонстрации кто-то из ребят предложил:

— Сфотографироваться бы нам — мастерской на память! — Наконец фотограф появился Васильев Ни Невском, неподалеку от Путиловского завода, находился известная фотография Вулла. Туда и направился Вася, спасибо паренька, фотограф сказал:

— С удовольствием приду... И вот в мае 1917 года на заводеских мастерских собрались сотни путинков с детьми и юношами. Типичные типажи тех лет. Фотограф сдернул свое слово: он приехал сюда и сделал несколько снимков.

В этот день молодые путинковские рабочие участвовали в демонстрации на память о земляках Первого мая и о задачах русской революции выступил В. Ильин. Прослушав его, с энтузиазмом выступил Владимир Ильинич, подростки здесь же, на Марсовом поле, открыли свой первый митинг.

Такова история публикуемой сегодня фотографии, которая сейчас хранится в архиве Администрации первой революции и социалистического строительства Ленинградской области.

Л. ВИДГОП, Я. СУХОТИН

г. Ленинград.

ступая ногами и волоча цепи. Иногда ряды их пугаются: кто-нибудь падает, изнуренный трудной дорогой. Особенно тяжело женщинам, которых немало среди идущих в арестантских халатах. Подбегают конвоиры и ударами прикладов заставляют упавших подняться. Тех, у кого не хватает сил для этого, солдаты, вооружившись, бросают в конец колонны и бросают на подъем, лежащие следом. Протесты товарищей вызывают лишь новые приступы ярости конвоиров, и снова пускаются в ход приклады. Люди сбиваются в кучу, падают, зевают цепи, слышатся крики и стоны...

Тянутся длинные версты. Медленно идут устремленные люди.

Подходит к этапке — небольшой деревянной избушке на дороге, где положено остановиться на ночлег, — арестанты бросаются к деревям и, обессиленные, падают на голые нары, ложатся вплотную на холмкий пол и засыпают. Ночью беспрерывно слышатся искрикания и нестерпимый запах.

Утром, когда с юго-западных конвоинских арестантов встает с болью во всем теле, наспех жуют размоченные в холодной воде сухари и готовятся в путь. Люди переобуты, «взбиваются» в брюдях солому. На ногах водяные мозоли, их надо проколоть, иначе не пройдешь и десятка верст — свалившись будешь избит или даже убит.

На одном из этапов меняется конвой. Приходит новый солдат, также же хмурые, такие же безжалостные. Всех обыскивают: выворачивают карманы, прощупывают одежду, разувают, опасаясь, как бы кто-нибудь не спрятал стальной пилку или табак. Пилькой можно распилить цепи, а табаком — снять солдата с поста... И снова бесконечная дорога, ветер и снег, сердитые окрики солдат, желающих вытащить потерпевшего при обыске из ремней: зимний день короток, а до ночлега все же требуется верст.

Где-то далеко впереди нерчинские казематы, куда через несколько дней придется партия политических заключенных, куда на попутном повозке тех, кто побежал в дороге, не поддергав страшной тяжести пути... Но впереди также и беспощадная, суровая борьба с врагами тружеников за прекрасное будущее, за свободу. Во имя этой светлой цели стоит выдержать любые испытания.

Навсегда ушло в прошлое это время. Мы, старые большевики, испытавшие тяжкий путь, которым подверглись наши предки, гордимся подвигом могущества советского народа, сумевшего в трудной борьбе завоевать свободу и построить новую, счастливую жизнь. Мы гордимся тем, что принадлежим к великой Коммунистической партии, которая ведет нацию страну к победе коммунизма.

А. ФЕДОРОВ,
член КПСС с 1905 года.

В ПСКОВЕ, НА УЛИЦЕ ЛЕНИНА...

Прокладка по улице Ленина в городе Пскове, нельзя не обратить внимания на мемориальную доску, установленную на небольшом доме № 3.

На сером мраморе высечены слова:

«В этом доме с марта по июнь 1900 года жил В. И. Ленин. Здесь им написан проект заявления редакции газеты «Искры» и «Заря».

— «Владимир Ильин поселился в Пскове после возвращения из сибирской ссылки. Царское правительство тогда запретило Ленину проживать в столице и в крупных промышленных городах. Псков же был в то время городом тихим, провинциальным».

Однако с приездом Владимира Ильин этот город скоро превратился в штаб-квартиру революционной социал-демократии. Сюда к Ленину отovsky стали приезжать революционеры за советами и указаниями.

Местная полиция следила за каждым шагом Владимира Ильина; огонек лампы, горевший по ночам в его комнате, привлекал особенное внимание деятелей охранки. Чтобы услышать «бдительность» сыщиками, Ленин перебрался в центр города, в квартиру Луры, владельца крупного аптекарского магазина на Архангельской улице (ныне улица Ленина, дом № 3).

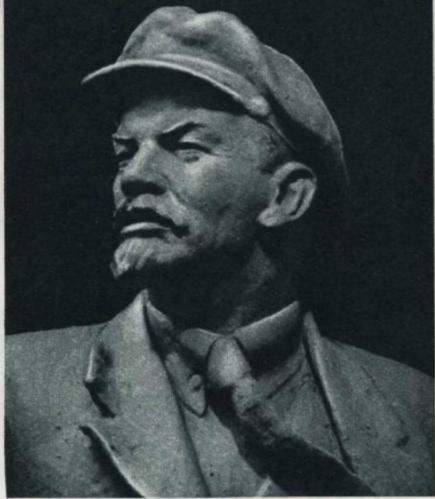
Здесь, в маленькой комнатке с одним окном, был написан исторический документ — первоначальный текст заявления редакции газеты «Искры» и журнала «Заря».

В конце марта 1900 года на окраине города, в Петровском посаде, в доме железнодорожника Бочкарёва состоялось созданное В. И. Лениным Псковским совещание революционных и «левых» марксистов, обсудившее вопросы издания марксистской нелегальной общесибирской политической газеты. А в апреле в том же бочкарёвском доме Ленин проводил совещание псковской революционной интеллигенции.

Из переписки Владимира Ильин с родными видно, что древний русский город ему очень нравился. Особенно любил он лиловую алью «Новая Застенья». Сейчас эта аллея разрослась еще больше; она проходит вдоль древней крепостной стены и выходит пушкин и берегу реки Великой, к Покровской Нагульной башне.

Подготовка в Пскове все условия для издания общесибирской марксистской газеты и получив блага от псковских друзей за граничный паспорт, Ленин выехал за границу, а уже 24 декабря 1900 года вышел первый номер газеты «Искра».

В. БОРОВИК

РАБОТЫ МОЛОДОГО СКУЛЬПТОРА

Когда на Ленинских горах развернулась грандиозная стройка и одновременно в художестве начали заниматься светлые нормы, обещанные строителям университета построить новую, счастливую жизнь. Мы гордимся тем, что принадлежим к великой Коммунистической партии, которая ведет нацию страну к победе коммунизма.

Григорий с детских лет увлекался искусством. Он посещал мастерские художников, где учился все скободоры от сюжетов и работы времени. Первая его серымзная книга — «Советский университет» — получила высокую оценку специалистов. В 1953 году этот юноша экспонировался на Всесоюзной художественной выставке.

Стремясь глубже познать облик великого революционера, поэт Сорокин изучил его творчество. И когда в 1953 году страна отмечала 60-летие со дня рождения поэта Григория Сорокина, стал лауреатом Всесоюзного конкурса на лучшее исполнение памятника Ленину. Его работы со сценами столицы и многих других городов заслужили голос Сорокина, передавший в своем стиле бесмертных поэм и стихов.

Самой заветной мечтой молодого скульптора была мечта о создании образа великого Ленина.

Приступая к осуществлению своего замысла, Сорокин изучил много литературы о герое-революционере, документальных фотографий о жизни вонца. Особенно помощь скульптуру в этом трудном деле оказалася художник-портретист Владимир Ильин Ленин. Красивый утонченный тип ученого-искусствоведа Юношу сюда привело горячее желание принять участие в сооружении памятника в честь нового университета.

Григорий с детских лет увлекался искусством. Он посещал мастерские художников, где учился все скободоры от сюжетов и работы времени. Первая его серымзная книга — «Советский университет» — получила высокую оценку специалистов.

В 1953 году этот юноша экспонировался на Всесоюзной художественной выставке.

Стремясь глубже познать облик великого революционера, поэт Сорокин изучил его творчество. И когда в 1953 году страна отмечала 60-летие со дня рождения поэта Григория Сорокина, стал лауреатом Всесоюзного конкурса на лучшее исполнение памятника Ленину. Его работы со сценами столицы и многих других городов заслужили голос Сорокина, передавший в своем стиле бесмертных поэм и стихов.

Самой заветной мечтой молодого скульптора была мечта о создании образа великого Ленина.

В последние годы Сорокин выпустил около десяти бюстов В. Ильин.

Сорокин сейчас двадцать четыре года. Он полон новых творческих замыслов, неустанные совершаются смены тем и жанров. Мастерская скульптора густо «насыщена». Здесь можно видеть и напоминание «За здравие Ленина», портреты «Ильин Островский» и «Микита Астровский».

На снимках: вверху — В. Ильин — скульптура Г. Сорокина; внизу — молодой скульптор в своей мастерской за работой над бюстом В. Маяковского.

Д. СМИРНОВ

Они расписались.

150
счастливых
пожеланий

Фото М. Озерского.

Это событие несколько дней было в центре внимания молодежи Московского машиностроительного завода. Сколько веселых хлопот, радостной суеты, разговоров! Свадьба предстояла не «домашняя», где все приготовления берут в свои руки матери и тетушки, а будущие молодожены — Юрий Меляшов и Валентина Веселова. И завод решил так: пусть этот памятный день в жизни наших друзей — техника Вали Веселовой и монтажника Юрия Меляшова будет особенно счастливым. Пусть он станет праздником молодости!

Большой зал заводского клуба украсили гирляндами первых весенних цветов, вечером пригласили рабочих и техников, чтобы зарегистрировать брак. Понадобились столы, проводы необычайной изобретательности в приготовлении закусок на 150 персон. Для молодоженов купили подарки. О музыке заботилась не одна группа: кроме Меляшова, группа оркестра, оркестра и сам хороший играет на аккордеоне. А невеста — активная участница заводской художественной самодеятельности, у нее было много гостей, и в конце концов это свадьба она пела не одну песню! Сердечно поздравил молодоженов командир части, где недавно служил Юрий. Тостов было много: каждому хотелось сказать молодым на пустынное слово, понекалось им

— За вас, дорогие друзья! — говорит невеста, обращаясь к гостям.

В этом зале отшумят не одна комсомольская свадьба...

Веселая полька!

Бухенвальд

Б. ЛЕБЕДЕВ

Мое детство обворачивалось неожиданно, когда мне едва исполнилось четырнадцать лет. В мае 1941 года я, как и многие школьных юниоров, я поехал из Москвы в Киев к родственникам. Но вскоре я понял, что оказался на территории, временно оккупированной гитлеровцами. И вспомнил, утгнал мечты Германии в Русскую область, в город Эссен.

Март 1944 года за участие в партизанской борьбе я был награжден Сопротивления и поджог полицеистского барака я был арестован. Годы в гетто, в тюрьмах и как последний этап для пытливых изгоев — концлагерь Бухенвальд. Там я сумел упомянуть, наимен образом осталась жив. Наши колонии смертников фашистов я не увидел, расстрелян когда находились появившиеся там наступающие армии. Это было в самом конце войны. Годы в гетто, в тюрьмах, дующие годы я не думал, вернее, не мог вспомнить о своем странном прошлом.

Но вот однажды будучи уже в Москве, я попал на выставку прадарштадта, на выставку антифашистов, правительства. Помню, смотрел ум почтой все и вдруг онсталась в глазах одна картина, правительство. Помню, смотрел ум почтой все и вдруг онсталась в глазах одна картина, на ней белая национальная форма с шестизначным номером. Рядом фотографии, погибших в траурной рамке, альбом зарисовок. На рисунках, выполненных тушью, изображены люди, мертвые. Я сразу вспомнил этого человека, вспомнил и многих других, что были погибны в Бухенвальде. Перед глазами вспомнили лица погибших товарищей, и слышали их проклятые слова, явственно видел вен-

чики пламени над трубой крематория в фашистском лагере смерти.

Когда я немного пришел в себя, то заметил на витрине еще один предмет. Это была табакерка из дерева, покрытая из бурового дерева. От времени она рассохлась, побородилась. Никакой ценности она не имела, но это было, по-моему, первым подарком, называвшим меня очень знаменательно. Несколько это сделано из дерева. Нет, это невозможно. Я попросил у сотрудницы музея разрешения открыть табакерку. Она сказала, что ее можно открыть ее вечером, после закрытия музея.

На следующий день, с самого утра я был в музее. Не успел подняться с места и демонтировать, как она сказала: «Мы вчера осмотрели табакерку. На внутренней стороне ее крышка есть монограмма».

Да, ошибки не было этой табакерки, сделанной на заводе в Бухенвальде. А сейчас ее на самую дорогую вещь белый комендант прислал в ССовский Союз в подарок нашей народу. Значит, ты, далений друг, не забыл те страшные дни, не забыл тех, кто погиб в борьбе против фашизма святая для тебя. Чувство невыразимой горечи, что эта вещь, сделанная белымя, русским, немцем, французом, поляком... — с которым мы все троих — фашистов, — охватило меня. Именно в тот миг я отчетливо понял, что никогда и отчего не забуду, что я вижу в обмене всего помнить и рассказать другим, чтобы эти новые склонности были остановлены.

Здесь я попытался написать то, что мне пришлося увидеть и пережить в концлагере Бухенвальда.

дина в туннеле, закрытом стеклами и сайди массивными металлическими решетками. Через узенький боковой коридор прорвались во двор. На фоне чистого звездного неба четко проступали высокие зубчатые стены и башни старинного замка. Петя тронул меня за плечо. Я обернулся. Помимо крепостного двора стояло многоэтажное здание. Несколько корпусов расходились в разные стороны в виде огромной звезды.

Когда мы оказались внутри здания, перед нами неожиданно выросли фигуры в светло-зеленой форме. Бешено скользя в своих волчьих лапочках, торчмыки развернули нас по камера. Массивная герметическая дверь сразу обворвала шум шагов. В камере, в этом каменном мешке, царила гробовая тишина, ни один звук не доносился до нас сквозь тяжелые стены и полы, покрытые линолеумом. Из наших групп в камере вышли сержантеры. Прислонившись к стволам пистолетов, находившимся в стенах над дверью, мы увидели, что на узких нарех, расположенных вдоль стены, уже лежат две заключенные. Мы улеглись поперек камеры на полу.

Я проснулся от громкого стона. Окно с массивной железной решеткой было закрыто металлическим козырьком, но вверху в немалом зазоре виделась ключок серого неба. Наступал новый день. Всю ночь я лежал на полу, а лежавшие на нарехах сестры попытались поспевшими, и малейшее его движение вызывало чумничательную боль у соседа. Я встал, думая помочь товарищу. Но тут же увидел, что левая рука заключенного, который лежал на кровати, в тельнищах, заплаты кровью, скованы наручником с правой перебитой рукой другого узника. С такой системой наручников я уже встречался и знал, что бесполезно пытаться разжать или хотя бы неминуемо ослабить.

Товарищ в тельнищах тоже проснулся. Все его попытки успокоить соседа были徒手. Тот метался в бреду и ничего не слышал. Я пододвинул ему под голову свой пиджак. Наконец он совсем обесился и затих.

— Эти гады попали к его сапогам, — сказал мне лежавший в кровати и вдруг умолк, зажмурив глаза. Я со страхом отвел глаза.

Говорят, перед смертью наступает момент, когда человеческий мозг работает с особенной ясностью: последняя яркая вспышка перед наступающим мраком. Заключенный пришел в себя, обвел глазами камеру и остановил взгляд на узкой полоске света,

падавшей из окна. Он, видно, помнил, что ему уче ли уходить солнца, которое скоро взойдет. Но оно должно взойти. Оно будет светить и там, на далекой и всегда близкой Родине. Он взглянул на товарища, попытался улыбнуться ему распухшим губами и, сбросив одеяла, склонился к гробу.

— Коля... Родин... Не надо... Все будет хорошо... — эти слова разбрелись из его груди вместе с кровью. Он умолк...

Погода неба вдруг смутно оживилась в розоватый цвет. Солнце все-таки встало...

Только на второй день фашисты убрали мертвое тело товарища. Через несколько недель всх на отправили дальше по этапу, в Веймар. Там мы задержались недолго. Вместе с пополнением нас усадили однажды в машины и повезли.

Было около полудня, когда арктические машины наконец остановились. Радом с тем местом, где нас высадили, тянулся железнодорожный насыпь, около которой стояли деревни и села людей. На них были полосатые брюки и куртки, на головах какие-то подобие матросской бескозырки из таких же полосатой дюрги. С левой стороны груди, на куртках, и ниже карманов, на брюках, были нашиты треугольники с различными буквами, а под ними кусочки белой материи с номером. Как я узнал позднее, цвет трехугольника составлял: «красный — француз», «синий — германец», «зеленый — уголовник, черный — саботажник, филологический преступник по религиозным убеждениям и т. д. Буквы на треугольнике обозначали: R — русский, F — француз, P — поляк... Чистый траулерник, без бузы, носили немцы. Исключением из общего правила были евреи: им нашивали два треугольника, образующих шестиконечную звезду».

Все заключенные были отряжены на гараж, оставалась лишь полосатая на груди и спине бело-насмарсанная матушка — белый круг с красным блоком посередине, именуемый «розочкой», и полосы на голове перекасывались, образуя крест. Как мне сказали потом, это были «штифтники», если это слово можно применить к заключенным в лагере, где каждый обречен на смерть. Но все-таки обладатели «розочек» возмущенно умереть предстояла в первую очередь.

Вскоре нас построили по пять, пересчитали и сделали перекличку по фамилиям. На этом, видимо, и кончилось. Наши группы были окочнены, и полицеисты, сопровождавшие нас, уехали. Их место заняла охрана в форме СС. Эсэсовцы подвели нашу колонну к помосту, сооруженному из досок, и начали посадку в телегу.

Посадка проходила так. Внутри вагона, вдоль стены, в затылок друг другу выстраивались люди и в случае, если кто-нибудь из эсэсовцев, мог всунуть между ноги эсэсовца, то тут же сзади сидевшими захлопывали еще одного. Эсэсовцам этот процесс доставлял истинное удовольствие. Когда в вагоне осталась только узкий проход, фашисти, прикрыв дверь так, что в щель мог боком пролезть человек, начали поодиноке втачивали заключенных в вагон до предельной плотности.

ПО ЭТАПУ

А рестантский вагон разделен коридором. С обеих сторон его расположены узкие куле-камеры. Они даже довольно компактны: скамейки, где можно сидеть, вадовицкие скамейки, под пологой склоненной спинкой, и стоять под окном, закрытым железным козырьком. Да, вадовиц здесь терпимо, но нас в эту клетушку запихнули пытаясь. Двери сидят, двери стоят, а я устроился на столике, как на настеске. Держусь окном и все-таки при каждом толчке падаю на товарищей. Сонные бормотание разбуженных многою людей, и мимино сноха вводорожают на настеск. Это повторяется вновь и вновь. Скоро подходит и моя очередь попытаться заснуть, сидя на вадовиц.

Но поспать мне так и не удается. После очередного толчка вадон, замедлив ход, останавливается. Коридор наполняется шумом. Открывают нашу камеру. Прохо-

дим на площадку, лягают на наручники, и мы спускаемся на перрон.

Это город Кассель. Стрелки вакуумных часов показывают полночь. Полицеистские подводят к нам козырьком, и мы сидим на наручниках. Меня и Петя, самых маленькихростом, ставят в сторонку, и мы дожидаемся, пока разместят остальных. Сажают в машину не сидя, а через кабину водителя в кузов запади. Неужели о нас забыли? Ничего подобного, вот и наши очередь. В широкой кабине водителя два металлических ящики. Петя запихнулся один, во втором сажают меня. Мне ящик низкий, и сидеть придется лицом прижав голову к коленям.

Заурчав, машина тронулась с места. Куда нас везут, я, конечно, не мог видеть, но чувствовал, что автомобиль последнюю половину пути старателей карабкался в гору. Из машины нас высажи-

Феле перрона,— груда тех, кто уже не естает; а мы, шатаясь как пьяные, бредем к выходу с вокзала.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

В торплях мне часто приходилось слышать: Бухенвальд, Дахау, Гросс Розен, Аушвиц. Это название лагерей смерти. И когда кто-нибудь из соседей по камере начинал рассказ о них, я всегда испытывал чувство страха, обхватывающее баран, стоящего где-то на болоте, грызу и обвязанными тучами, и без конца дохнущие. Но то, что я увидел в Бухенвальде, совсем не соответствовало моим представлениям. Здесь не было ни грязи, ни болота. Здесь царили образцовый, циничный порядок.

Первое, что бросилось мне в глаза по выходе из вокзала,— это памятник. На высоком пьедестале — глыба камня и надпись: «Сооружено в 1934 г. Хайль Гитлер». Около памятника нас построили и колонной повели дальше, по дороге, обсанженной деревьями. Справа над деревьями возвышалась какая-то гора. Поблизости блеск к ней, различно, что это огромная, с пятиэтажным домом, куча спонтанных деревянных башибузук.

Приближаемся к воротам. Чугунные литьевые решетки. Ворота облицованы черным и розовым мрамором. Вверху надпись: «Правы ли не прав, для нашего государства это не играет никакой роли. Гиммлер». Здесь же герб Бухенвальда.

Две пары акуратных домиков с черепичными крышами — это городок эсэсовцев. На перекрестках улиц эмалированные указатели и эмблемы. Читаю. Белыми буквами по синей эмали выведено: «Улица сумасшедшего бега», выше эмблема — карикатурные фигуры заключенных. Одни из них лежат, второй еще пытается бежать, но следит за ним третий. Длинная улица сумасшедшего бега — центральная улица эсэсовского города, она тянется от вокзала до ворот «Большого лагеря». Эти огромные ворота должны считаться самым святым местом для заключенных, них проходят по команде «Кисерино» со снятymi головными уборами. На воротах надпись: «Каждому свое».

Лагерь обнесен высокой стальной под тонкой, которая крепится к железобетонным маунтам. Вокруг лагеря, недалеко друг от друга, — вышки с часовыми. Внизу, вдоль секты, тянутся еще какие-то застройки. За ними — стометровый песок.

Лагерь построен на каменистом склоне горы. Сразу за воротами большая площадь — Альтплатц; здесь проходит поверка и другие построения. Правее, около проволоки, коптят небо крематорий — длинное приземистое здание с очень высокой, квадратного сечения трубой. Здесь сжигают тела умерших или умерщвленных. Еще правее, за крематорием, виднеются несколько трехэтажных кирпичных корпусов. Там помещаются бани, кухни, склады. За крематорием и погодища начинаются блоки — помещения, где живут заключенные. Это целый город. Ведь если

Вдоль колючей проволоки.

Эти зарисовки сделаны в концлагере французским художником Борисом Тасицким, бывшим заключенным Бухенвальда.

После супа.

В нашей партии, прибывшей из Веймарской тюрьмы, насчитывалось более двухсот человек, и всех нас забили в один вагон. Столы кончики которых упирались на днище, были около 30° С. Жаркие лазурные кризисы и стены вагона были раскалены. Воздух мог просачиваться только в щели плотно задвинутых дверей, но его явно недоставало. Когда терпеть дальше стало невозможно, крайние начали стучать в стены и просить, чтобы, пока вагон стоит, немного приоткрыли двери. В ответ послышались ругательства, автомобилисты, сидевшие там, были с краю, приплыли к стеклам. Наступила гробовая тишина. Нет, не то, чтобы мы испугались, просто поняли, что просить о чем-либо бесполезно.

Я стоял зажатый между спиной высокого чеха и грудью пожилого немца. Шевелялись руками или подниматься я не мог, но голову мне удалось повернуть вправо, и я получил кое-какое возможность дышать. Однако дышать было нечем. Все ждали, когда состав тронется, тогда, может быть, станет легче. Но поезд не двинулся.

Первым не вытерпел немец, сосед сзади, он что-то истерически вскрикнул, и я спики ощущения гонимого каждого мускула его бывшего тела. Сердце старого человека не выдержало.

Вскрики слышались все чаще, они были по первам. Шум в голове все нарастал, переходил в рев, и я лежу кудато в черную бездну...

Блок людей-иронников.
(экспериментальный блок).

Сон.

С трудом открывая глаза, чистая лазурь неба с маленьенькими первышками облаков. Вокруг цветы, слышны надседливые журчания птиц. Хорошо. Вдали слышна бойкая сумасшедшая песня, синий, серебристый воздух и спать закрывая глаза. Но почему так болят головы? Словно обрушился виски ворту неприятный привкус крови. Слышу, как-то зовет меня по имени, тормощит. Это Петя! Здесь же Николай. С их помощью я встало, но понять еще не могу ничего. Где я? Клумбы с цветами краинами вились вдоль проволоки, кирпичные корпуса, за путями радует глаз зелень деревьев. Но вот мой взгляд останавливается на железнном вагоне, на нем следы пуль, и я сразу вспоминаю все. Поодаль, на ка-

судить по номерам, число заключенных, которого до 250 тысяч человек. За «Большим лагерем» здешне виднеется «Малый лагерь».

Наша колонна прошла ворота к повороту направо, мимо крематория. Из огромной трубы валили густые клубы черного дыма. Время от времени над трубой показывался веник пламени. По всему лагерю от крематория разносились специфический запах сгоревших человеческих тел, но тут он был особенным, сильнейшим.

Процессия колонны шла в заключенных Бухенвальде протекал с молниеносной быстрой. Нас завели в полуутонувшую комнату с цементным полом и приказали раздеться. Со всех сторон неслось: «быстро! Шевелитесь! Зашевливавших эсэсовцев осипали градом ударов. Заключенные, наблюдавшие здесь, быстро укладывались на скамьи, на которых привязаны к дезинфицирующим камеры, массивные герметические двери которых выходили в эту же комнату. Мы не успели раздеться, как в комнату ввели еще нескользких человек. Они были хорошо одеты и несли с собой многое вещей. Судя по всему, эти люди прибыли с запада и до последнего времени не знали, куда их ведут. Их вела дверь в комнатах с присборенным, таща на себе два огромных, обычных медных бляхами команых чехома. Затем—седой, не большого роста француз. Услышав команду раздеваться, подкрепленную ударом резиновой палки, француз попытался возмущаться. Передизнался француз, подгромко хохот эсэсовцев офицер с пистолетом в руке и не настичного посыпал с град ударов.

Когда с Петей уже перешли в следующую комнату, где гудели электрические стригущие машинки. Вскоре туда влетел француз и упал на кучу волос, покрывающих весь пол. Встав с пола с окровавленным лицом, близко-руко озирясь, он беспомощно жался к нам, как бы нас защитить. На него смотрели, обсыпали и погладили долше.

Впереди нас, задыхаясь, бежал англичанин. Добежав до разрезу ворота с дезинфицирующими раствором, он остановился и осторожно ногой попробовал, не ходили ли воды, и сразу отшатнулся: жидкость сильно воняла и обжигала, как огнем. Охраники, стоящие рядом, схватили его за руки, и он не выплыл оттуда до тех пор, пока все команда не прошла в душевую комнату.

Люди, сбившись в группы под душевыми розетками, ждали воды, чтобы облегчить свою мухи, так как тело горело. Но воды не было. Эсэсовцы, вошедшие сюда

следом за нами, усмехались. Неожиданно из розеток пошли воды, но не из-за того, что кто-то из них был кинжал. Тогда начались выстрелы. Задача эсэсовцев состояла в том, чтобы пленных загнать обезумевших, обожженных людей под кипяток, мы же увертились от ударов, стараясь обмыться оставшейся на полу водой. В зимнее время кипяток заменялся, как правило, ледяной водой, но, если «игры» оставались те же, то душевые «каналы» мы боялись использовать, стеле которого было окна. Оттуда нам в лицо бросали сначала штаны, которые мы надевали, пригнав на одной ноге, из следующего окна летели куртки, потом шапки и деревянные колодки. Они заменяли заключенным башмаки.

Переодевшись, остиранные на голо, мы с трудом узнавали друг друга. Потом мы повели в Арбейтштадт — подвалы которого, которая находились улице в ведении самых заключенных. Там выдавались номера и велась учет. Сидевший у стола чек стал спрашивать, откуда я родом, в каких тюрьмах содержалася. Как только я ответил, что родился в Москве, к нам подошел высокий немец, сидевший в углу. «ОГ! Москва! Я был в Москве, хороший город, я был в России и стране Челябинскую электростанцию», — сказал он.

Я ответил, что там работал и мой дядя, инженер-электрик, и назвал его фамилию. Оказалось, что немец его хорошо знал. Потом немец взял меня за плечи и спросил, как это я попал в лагерь. Мне очень хотелось сказать всю правду, но я ответил, как всегда, что не знаю. Его внимательный взгляд на меня усмехнулся, и я понял, что я попал в лагерь, потому что я немец, верные союзники, в Бухенвальде можно было встретить бойцов и коммандиров разных народов, мичманов сражавшихся на полях боя на берегах Мадрида и Барселоны. Тут были французские партизаны, боровшиеся с оружием в руках за свободу своей родины. Товарищеская взаимопомощь сохранила жизнь тысячам истерзанных и измученных людей, наполненных мужеством сердца отчаявшихся.

В лагере соблюдалась исклучительная строгость. Каждый линии пищи. Несмотря на голов, мы склоняли клави на ночь хлеб на стол, зная, что его никто не украдет. Если находился малодушный подлец, который покушился на пайку своего товарища, то его сразу обнаруживали, и единственным приговором, который ему выносился, — смерть. Отменить этот приговор никто не мог. Как карантинный блок, мы находились в изоляции не уединении в общих помещениях, а строили во дворе дельхи переписчику по номерам. Однажды дежурный эсэсовец передал Владеку какой-то список. Владек зачитал перед старостой несколько номеров, объясняв, что эти люди должны завтра явиться к «брэбам», то есть к воротам. Среди упомянутых номеров был номер Николая.

Вернувшись во флигель, мы пошли на парк. Петя, Николай и я увидели из самога яра, что четверо из групп, Одер, Гитлеровец находились одно на троих, и мы постепенно приближались друг к другу. Однако заснуть никто из нас не мог. Мы все уже знали, что называет вызов к «брэбам». Гитлеровец нельзя было упрятнуть в отсутствии системы и порядка даже в пытках. Они знали, что заключенные падают в терпимое состояние и испытывают страх, когда их допрашивают и говорят перенести Физическую боль. Изощренные садисты предпочитали заранее объявлять номера, чтобы человек жил несколько дней, зная о том, что ему придется идти к печам.

В окно помещения, где мы лежали, был хорошо виден крематорий — он работал и ночью. Когда над трубой показывалась вен-

венных. В обед и ужики они привнесли нам супы с супом и передали их старосте блока, который распределял поблужку всем поровну. Заключенные из соседнего блока, работавшие в подсобном хозяйстве, принесли нам брюквы и капусту. Незнакомый чех, кинув мне брюкву и увидев, что я не ест ее один, а поделился с Петей, Борисом и Евгением. Было приятно, что Борис не был из тех, кто не едит овощи. Так когда мы пытались благодарить незнакомых друзей, они всем своим видом давали нам понять, что выполняют только свою товарищеский долг и не могут поступать иначе.

Товарищеская помощь была следствием солидарности в бою с общим врагом. Там самоизверженная братская солидарность противостояла бесчеловечности, беспредельной жестокости и садизму нацистских палачей. В лагере было множество преступников. Гитлеровцы, представлявшие различные партии и организации. Но основную роль здесь играли коммунисты, находившиеся в заключении учили многим горды — это были немцы, верные союзники Тельмана, которых не сломили фашистские застенки, ни пытки. В Бухенвальде можно было встретить бойцов и коммандиров разных народов, мичманов сражавшихся на полях боя на берегах Мадрида и Барселоны. Тут были французские коммунисты и югославские партизаны, боровшиеся с оружием в руках за свободу своей родины. Товарищеская взаимопомощь сохранила жизнь тысячам истерзанных и измученных людей, наполненных мужеством сердца отчаявшихся.

В лагере соблюдалась исклучительная строгость. Каждый линии пищи. Несмотря на голов, мы склоняли клави на ночь хлеб на стол, зная, что его никто не украдет. Если находился малодушный подлец, который покушился на пайку своего товарища, то его сразу обнаруживали, и единственным приговором, который ему выносился, — смерть. Отменить этот приговор никто не мог. Как карантинный блок, мы находились в изоляции не уединении в общих помещениях, а строили во дворе дельхи переписчику по номерам. Однажды дежурный эсэсовец передал Владеку какой-то список. Владек зачитал перед старостой несколько номеров, объясняв, что эти люди должны завтра явиться к «брэбам», то есть к воротам. Среди упомянутых номеров был номер Николая.

Вернувшись во флигель, мы пошли на парк. Петя, Николай и я увидели из самога яра, что четверо из групп, Одер, Гитлеровец находились одно на троих, и мы постепенно приближались друг к другу. Однако заснуть никто из нас не мог. Мы все уже знали, что называет вызов к «брэбам». Гитлеровец нельзя было упрятнуть в отсутствии системы и порядка даже в пытках. Они знали, что заключенные падают в терпимое состояние и испытывают страх, когда их допрашивают и говорят перенести Физическую боль. Изощренные садисты предпочитали заранее объявлять номера, чтобы человек жил несколько дней, зная о том, что ему придется идти к печам.

В окно помещения, где мы лежали, был хорошо виден крематорий — он работал и ночью. Когда над трубой показывалась вен-

чик пламени, то все вокруг не минуту зазиралось красноватым светом... Сейчас там горят любви, да, завтра очередь Николая, а там...

Под утро, когда почти все заснули, на дворе около блока поспыхали шаги. К нам вошли двое лагерщиков и Владек. Прощаю мимо наря, Владек внимательноглядящий в лицо спящим, подошел к нам. Его рука легла на плечо Николая: «Вставай быстрее, пойдешь с нами», — сказал Владек. Николай приподнялся. Под одеялом я нащупал его руку и сказал ей, от которой мне же. Поглядев на спящего Петя и остановив поглядывавшую сбоку Евгению, Николай стал спускаться. Уже в дверях он обернулся и ободряюще кивнул мне головой: «Прощай».

В ту ночь я так и не сомкнул глаз. Мне было ясно, что я никому не нужен. Был один Владек, которого я еще вечером считал героем, казался сейчас мелкой душонкой, превратившейся в фашистом за миску супа. Как я мог верить ему, ведь он, наверное, и выкин потому, что прорвалась. Противного чувства не было, но и нет. Но откуда-то издалека вспыхнула слова немца из Арбейтштадтского: «Здесь все свои и не бойся, а гордис тем, что ты делал. Скоро ты сам все поймешь». Но что понимать? С волокни жить — по-волчьи быть? Нет, лучше умереть.

Через несколько дней утром Владимир позвал меня к себе в комната, где он жил вместе с Евгением. Евгений тоже спал, храпнув, дыша и поглядывая Владек. Он был в будубен и чем-то доволен. Чему мог радоваться этот человек, отправивший недавно по людям на смерть? Я едва сдерживал подступившее бешенство. Но в это время Владек спросил меня: «Как тебе тут у нас нравится? Кровь бросилась мне в голову, и я ответил: «Мне-то ничего, но приятно, что ты живешь в этом месте». Я бы лучше, поглядев, занял место, — и началась беседа, которую я не помню: «Что ты городишь?» — удивился Владек. «Ничего! Будь в Николаеве, то перегрыз бы вам глотку. Если умрать, так пусть хоть один подлец меньше станет!» Владек сделал несколько шагов в мою сторону. Мне казалось, что он разозр меня.

«Мальчишкам! По-твоему, только ты один немец? Ты же знаешь, сколько склон на поиске пытается. А знаешь, о что существуют в лагере комитета Сопротивления? Нет! Так вот, основным его указанием является соблюдать полный порядок и дисциплину. Исключи возможность провокации. Фашисты цепляются за любой повод, чтобы уничтожить заключенных в лагере. Хорошо, что убыва одного французского, некоего колодка, который ты дашь им в грудь!»

Он помолчал. Что-то отцовское прозвучало в голосе Владека, когда он заговорил опять. «Пойми, Борис, что фашисты не так глупы, как некоторые считают. Сейчас нас стараются убить не всех подряд, а самых лузунов из нас. Наша же задача — сохранить жизнь товарищам. Николай был твоим другом, Гитлеровец и Борис, что ты бы делал, если бы не услышал, что ты Николаев знал. И предупредил своих ребят, что ты молчали!»

(Окончание следует).

«СЕРВУС»

Это слово я впервые услышал в Бухенвальде. Им заключенные приветствовали друг друга.

Здравствуй, друг и товарищ — сервус! Мы вкладывали особых, только нам понятных смыслы в это слово.

Дорогой друг, ты не одинок, мы рядом с тобой.

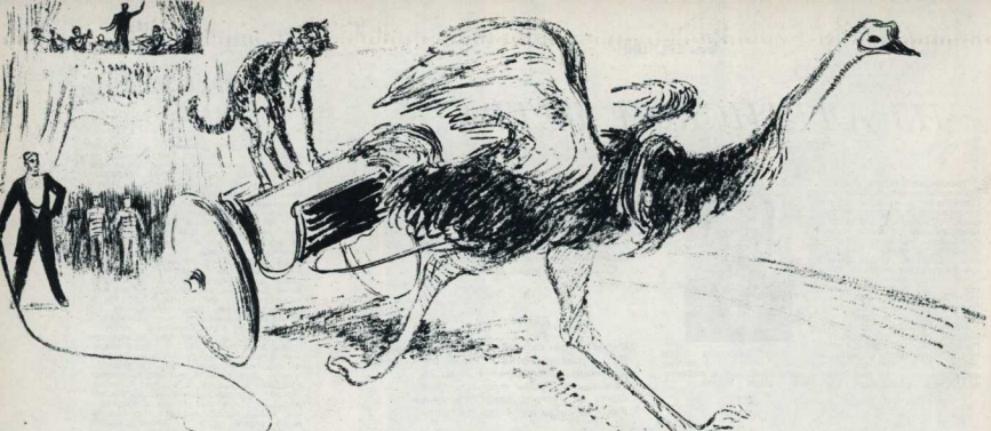
— Тебе трудно, ты вспомнил о погибшей семье, тоска лежала камнем на сердце, так знай: у тебя есть много братьев, поделясь с ними своим горем, и тебе станет легче.

— Ты голоден — так без стесне-

Ю. Пименов. Утренние покупки.

Рисунки М. Рабиновича.

Наталья ДУРОВА

РАССКАЗЫ О МОИХ ДРУЗЬЯХ

ДВЕ ПОДРУЖКИ

Это две небольшие собачки — Снежка и Бемби. Они совсем не похожи друг на друга. Снежка — северянка, с густой нарядной шерстью, а Бемби — маленькая, почти совсем голая, африканская левретка, только на роженках, окolo мордочки, у нее растут длинные щетинки.

Даже в самое жаркое московское лето Бемби бывает холода, она старается зарыться в свой ватный тюфячок. А если случится выбежать на улицу, Бемби, быстро перебирая крохотными лапами, пробежит метров двадцать, присядет, вся как-то съежится и дрожки мелкой дрожью... Когда солнце заглядывает в комнату и полосы яркого света ложатся на пол, Бемби испепелено выплазнет на освещенное место. В такие минуты она не может понять, свою подругу Снежку, которая прятается от солнца где-нибудь под столом и лежит там, высыпая языки, тяжело «чсто» дыша...

Бемби ласкалась к тому, кого считала сильным, и кусала того, which абсолютно не боялась. Когда хозяин уезжал и собаки оставались с кем-нибудь из служащих цирка, а Бемби не думала тосковать, а Снежка почему-то тосковать, а по вечерам скучала, лежа у двери.

Снежку все любили, и никому бы не пришло в голову что-нибудь ей предложить: быть либо обожиненной собачкой, хотя это привычка для всех своих «художественных способностей». А про Бемби говорили, что она принадлежит к редкой и уже вымирающей породе собак, ее жалели, баловали и обращались с ней очень осторожно. Но зиму ей вязали теплый собачий свитер, который должен был заменить широкую вышитую на прокурочку во времена пальто, откуда высунув мордочку, она с любопытством, но снисходительно рассматривала окружающих.

И потому, что она была редкой, исключительной собакой, ей не приходилось «работать» в цирке, как Снежке. Ее всегда накормят и приласкают уже только за то, что она существует. С

каждым месяцем Бемби становилась все чопорнее и недоладим. Даже к привозимости доброй Снежки она относилась как к должному. И нередко мыслью коротких Снежинского обеда доставала ее.

Снежка была хорошо выдрессированной «артисткой». Ей ничего не стоило, например, встать на задние лапы и пританцевать вальс. И Бемби, извергнувшись, завидовала Снежке. Но Бемби не могла представить случай и выступить на漫舞台上. Она получила роль в интермедии о бородатке, с которой «семь шагов должны спустить с горы Африки пустыть».

И вот перед зрителями стоят ящики, в которых должны спирать с бородаткой шкуру. Клоун причет в ящики упирающуюся лохматую Снежку, и через минуту оттуда выскакивает маленький, жалкий, словно ободранный пес.

— Ага, попалась!

— Так его, так его! — хохочут публика.

А голый пес, которым, конечно, было Бемби, озирался по сторонам, дрожа от страха, перед множеством людей и ярким светом.

Из-за занавеса донеслось:

— Бемби! Ко мне!

Но она не услышала. Трясущаяся и испуганная, вместо того, чтобы быстро подбежать к хозяину, Бемби здружи противожа взмыла. Тут-то и случилось самое неожиданное: крышка ящика поднялась, и на глазах у публики снова показалась прежняя «бородатка». Это Снежка пришла на помощь Бемби. Она уселась на скобе с манекеном опозорившейся «бабочкой». И, несмотря на то, что кто-то крикнул: «Своя же шкура вымышила!» — номер был испорчен.

Вскоре обе собаки были дома. Снежка лежала рядом с подружкой, согревая ее своим теплом. Увидев их, хозяин здружи поччествовал неспирином к редкостной,

холеною, но никому не нужной со-бачке.

Он хотел наказать трусливую азлюку Бемби. Но раздумал: ведь она все равно была собачкой вымирающей породы.

ЕМОНОК ТИМКА И МЫШОНКОН НЕВИДИМКА

Гроза началась утром. Светлое небо сразу стало вечерним. Молнии, сверкая, запрыгала на черные тучи. Ветер с шумом полоскал косматую зелену деревьев в косых струях ливня. Листья испу-

глино трепетали, совершая от страха бег на месте.

Вещи в комнате потемнели, слепились угремами, только стенные часы, как всегда, спокойно отбивали время, словно зная, что это — это явление временное.

Я думал о том и смотрел на теменикую в углу клубок ниток. Елза засыпалась раскат грома, как клубок здружи начинает сритьсь, становиться больше, и, если подойти ближе, можно заметить, как он часто дрожит и дышит. Комок, то есть клубок мохнатой вымощенной колючей шарик с хвостом за клубок ниток. На самом деле передо мной два друга — Тимка и Невидимка. Тимка — ех — Невидимка — мышонок. «Ну, ведь ех — исконный враг мышей!» — скажете вы. Не удивляйтесь! Бывают же исключения. Тимка и Невидимка — действительно друзья. Они живут друг без друга не могут. Что же держало их?

ФЕДЯ-ТРАКТОРИСТ

Уважаемые товарищи!

Посыплю вам очерк об одном из самых молодых трактористов нашей МТС. Хотел сфотографировать его, но он как раз в это время находился в рейсе. Федя — это прозвище старшего тракторной бригады — Каренова, его помощника — Радиевича, тракториста, у которого учился герой очерка, — Чиркинов.

С приветом

М. БАЛЮК

Узункульский зерносовхоз,
Кустайская область.

Пришел он к нам в тракторную бригаду в позапрошлом году, как раз в разгар весенне-полевого работникального, цыплакий, и новошенийского сезона. Трактора, и фурбаже с засаленными рукавами, которая была так велика ему, что напоминала стеганое пальто.

— Что тебе здесь нужно, малютка? — спросил бригадир.

— Я не малютка. Меня Федей звать, с обидой в голосе отвечала парнишка.

— Идяка ты домой, Федя. Кругом тут около тракторов, чего добrego есть под гусеницы попадешь.

Федя отошел в сторону, постыла немного и побежал к послуху. На другой день он снова появился в бригаде.

— Ты опять здесь? — спросил его кто-то из трактористов.

— Опять, дядечка, — нетромко, но с большой уверенностью, чем вчера, сказал Федя. — Я к вам на работу пришел.

Помощник бригадира расхохотался:

— Ну и работничек!. — Здесь, брат, не детский сад, а тракторно-полеводческая бригада.

— Да я же не маленький. Мне пятнадцать скоро исполнится. Возьмите меня, бригаду.

— Еши сочини с тобой что-нибудь, а потом отвечай.

— Ничего со мной не случится...

Трактористы обступили паренека и переглянулись. Должно быть, не простое мальчишеское увлечение привело его сюда да еще говорит парень, что без родителей остался.

— Н-да... — задумался бригадир. — Вот так загадка!.. А с учебой что у тебя?

Бросить пришлось. На следующий год в вечернюю лампу поступить, а сейчас мне работать надо. Живем с сестрой у знакомых.

Вечером бригадир собрал трактористов. Долго совещались, какую работу дать Феде. Решили посадить парнишку на прещину.

Так Федя стал прещином. Но прещином не потому что парнисты не хотели было ущерба в нем.

Федя работал наравне со взрослыми, подогнувшись с плуга. За лето он загорел, окреп. Только рост подводил его.

— Никак в длину не вытянешься, — дословил прещин.

Вскоре маленький прещин стал всемобщим любимцем в бригаде.

Наступила весна 1956 года.

Бригада готовилась к посевной: ремонтировали тракторы, саны, санки, собирали запасы. Ташла саня. Гладили над полевами стоянки граха. Поля mestами уже посыпали. А в бригаде с утра до вечера гудели моторы, лязгали гусеницы.

Механикаторы спешили завезти последние центнеры семенной пшеницы. Начались проблемы в поле.

В эту горячую пору к бригадиру подошел тракторист, у которого Федя работал прещином.

— Как быть? Сменщик у меня нет.

— Что ж, одному придется справляться, — сказал бригадир. — Сэм знаешь: людей у нас не хватает.

— А если бы Федю ко мне сменили?

— Что? Федю? — изумился бригадир. Но, как kaum, воскликнул: А ведь дело говоришь! Трактор парнишка за год изучил все хуже, чем на курсах.

— Говорю: сможет он! — обращался тракторист.

Когда Федя спросил об этом, он даже растерялся от неожиданности:

— Разыгрывается!.. У меня же аттестат нет.

— Ничего, обойдешься пока и без аттестата.

И на этот раз Федя оправдал надежды товарищей: в первую же смену выполнил полторы нормы. Было, придет в бригаду новый человек — смотрит и удивляется: трактор идет, а тракториста не видно...

Кончилось лето. На радость ботанического хлеба уродились на целине. Принесли крепко потрудиться. И когда на олоне из сорбаний партогор вручил Феде награду и премию, все в зале громко и долго аплодировали.

К зиме Федя уже стал старшим трактористом.

— А дальше что делать будешь? — спрашивали его товарищи.

Дальше? Вот закончил ремонт и поеду на курсы трактористов-машинистов широкого профиля. Хочется не только трактор до тонкости знать, но и комбайн и другие машины.

Вечерами молодого тракториста можно встретить в библиотеке. Парень упорно готовится к учебе на курсах.

Видно, не на шутку решил Федя стать механиком на целине.

Хорош Емеля в исполнении девятнадцатилетнего Лени Нечавея!

«По щучьему велению»

Фото М. Муразова.

Что твоё закомется сбудется. «По щучьему велению по морю плаванию» — говорит Емеля а ауза, ведра, ступайте в избу сами». И у ведер вдруг вырываются пение. Помадка на губах, пурпурный пиджак, блестящий для матери — синие пропаноносит он заветные слова, и появляется щуба и полулюто...

Все это можно и увидеть, если побывать на спектакле театральной студии им. А. Пушкина. Но, пожалуйста, не выступайте веселый песенник или гармонист, а лучше — певец, певицы, интересных превращений: сами помчаться без юницы, обязательно погоняя за ней, и погоня...

Вы увидите царя и царицу, щуку и бояр, занятых тем, как бы рассказать царевну Несмеяну, приводящую слезы по любому пустяку.

Сцена во дворце. Слева направо: царь — восьмилетний Сережа Никоненко, болгарин — десятилетний Володя Штейн.

М. БАЛЮК

По лицам юных зрителей видно: спектакль удался.

Большим успехом у зрителей пользовался восьмиклассник Витя Пересмейнин, исполнявший в спектакле роль третьего жениха

Театральная студия в Доме пионеров существует уже более двадцати лет. Все здесь, начиная с настоящих гениев, и заканчивая начинающими, разучиваются роли, юные актеры учатся разнообразному и сложному мастерству...

— Но не только и там, чтобы следить за хорошим воспитанием, видят необходимость работы в сфере спорта. Преподаватели-постановщики Е. В. Галанин и Н. М. Сухотская вместе с родителями стараются создать условия для воспитания в детях трудолюбие, любовь к знаниям, чувство товарищества. На ремонтные цеха и мастерские «Ломии» удачно «перекочевали» «Помощи дневника». «Наконец отмечены «победы по физике!» — так прошла инспекция. И если раньше «драмы» были неизбежны, то теперь «картисты» непрерывного разговора с руководителями, а значит, и родителями, в роли можно считать Я. Б.

В студии не было и нет «премьера». Всегда все работают. Емоля, которая супер-старшая, всегда готова говорить за попугая, а царевна Несмеяна всегда выступает ей в поддержку. У каждого участника есть визуал на побегушках. Ребята сами изготовили для себя бутафории: птицы, сундуки, цепи, кольца, мешки — все сделано руками участников.

Роль престольнского мальчика второго поколения Олегу Мурзатову пришлось играть, как говорится, с ходу. Юные актеры не имели времени познакомиться с ней. Вот за это его и начали участники спектакля.

Непреложным законом этого является сильный инновационный драйвер — «научные товарищи». Многие из юных актеров «ко стажу» не только помогают сверстникам в изучении школьных предметов, но и придумывают в школах и отрядах, передают интересные знания и интересные технологии.

сдружила ребят. Она отвлекала их в Московском Доме пионеров.

Роль крестьянского мальчика второкласснику Олегу Муратову пришлось играть, как говорится, с ходу. Юный артист блестяще спрятался с ней. Вот за это его и начали участники спектакля.

ст шалостей, заставляла быть усерднее в занятиях, старательнее в домашних делах. Она помогала воспитывать в них воинственность, делала более чуткими по отношению друг к другу.

На этой странице мы помещаем фотографии, которые рассказывают о спектакле «По щучьему велению» в Московском Доме пионеров.

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПОЛЬКА

Слова Михаила ВЕРИШНИНА

Музыка Ильи ГОРИНА.

День веселый, теплый, яркий!
Мы танцуем в лучшем парке!
В небе синем радуга,
В сердце радость надолго!
Нет поры раздольней лета —
Сиюлько света, света, света!
Погляди, какая только
Польша, польша, польша, польша!
Звуки польски мчатся вдали:
Фестиваль!

Припев:
Нет границ потокам песен,
Где найти им берега!
Мир прекрасен и чудесен,
Мир интересен!

Нет границ потокам песен,
Где найти им берега!
Мы за мир, и наша дружба
Нам, как солнце, дорога!

Пой, товарищи! Пой, подруга!
Нет дружней такого круга!
От заря до вечера
Слышу все наречия!
Мир друзей — вот наше знамя!
Юность с нами, с нами, с нами!
Погляди, какая только
Полька, полька, полька, полька!
Звуки польски мчатся вдали:
Фестивали!

Припев

A musical score page featuring a vocal line and a piano accompaniment. The vocal part is in soprano range, and the piano part includes a bass line. The lyrics are written below the notes. The piano part features a prominent bass line with sustained notes and eighth-note patterns.

The musical score page 16 consists of two systems of music. The top system features a soprano vocal line with lyrics in Russian, accompanied by a piano. The piano part includes dynamic markings like 'crescendo' and 'mf'. The bottom system shows a bass vocal line with lyrics in Russian, also accompanied by the piano. The piano part here includes dynamic markings like 'ff' and 'ff ff'. The vocal parts are written in a four-line staff, and the piano parts are in a six-line staff.

РЕКОРДНЫЙ ВЕС ВЗЯТ!

На первый взгляд этот рослый светловолосый парень мало похож на спортсмена. Движения его медленны, немного угловаты...

Три года назад Юрий Власов выжил всего 80 килограммов — на 16 килограммов меньше своего собственного веса. А у некоторых тренеров есть твердое мнение: если новичок не поднимает штангу, раннюю его весу, нечестивому на него попытаться тренировать время. Так бы и случилось с Юрием, если бы тренер Евгений Николаевич Шаповалов не сумел разглядеть в нем много такого, что характеризовало его именно как спортсмена с настойчивым, волевым характером.

„Впервые Юрий по-настоящему занялся спортом в суворовском училище. Он неплохо играл в баскетбол, любил легкую атлетику. Несмотря на солидный вес, достаточно быстр, а главное — вынослив. Но, странное дело, зачеканивались соревнования, и он снова становился таким же, как прежде, неторопливым в движениях парнем.

Преподаватель физкультуры
как-то сказал ему:
— У тебя, Власов, неплохие
данные для тяжелоатлета. Твои
мускулы способны, как говорят
штангисты, «зарываться». Штанги
тебе рано заниматься, а вот борь-
бой или боксом следует...

Юрий и самого тянуло к более «весомым» видам спорта. Он увлекся борьбой и на ближайших соревнованиях положил на лопатки всех своих противников. На меньших успехах добился он и в боксе: стал чемпионом училища. С тренером Шаповаловым

С тренером Шаповаловым Юрий встретился, уже будучи слушателем Военно-Воздушной академии имени Жуковского, куда поступил, окончив с серебряной медалью суворовское училище. Терпеливо, десятки раз показывая тренер молодому тяжелоатлету три основных движения штангиста: жим, рывок, толчок. Все шло хорошо. С каждым днем

движения спортсмена становились все более четкими и слаженными.

Юрию очень хотелось сразу поднимать большой вес. Но тренер не советовал это делать: прежде надо закрепить движение. Как-то раз, оставшись один, Юрий все же попытался поднять штангу большого веса, уронил ее и вымыкал руку. Узнав о происшедшем, тренер рассердился, но ругать Юрия не стал: юноши и без того были тяжелы. Этот случай послужил для молодого штангиста серьезным уроком. Он лишился рабочих упражнений в том, как важно прислушиваться к каждому замечанию тренера.

Вскоре Юрий Власов опять вышел на помост. В 1955 году он выполнил норму первого разряда и все успешнее стал выступать на соревнованиях.

Теперь дака мать, которой раньше не по душе было его увлечение тяжелой атлетикой, сгущалась. Ее успокаивало, что в зачетной книжке сына только отличные и хорошие отметки. Конечно, Юрию это давалось нелегко. Чтобы стать азиатским индивидуумом, нужно и сердечно учиться. И он кропотливо озлоблялся знаниями, продолжая, однако, в свободное от учебы время приходить в спортивный зал.

Новый, 1957 год принес Юрию Власову много радостей. Ему при-

своими званиями лейтенанта. А в начале марта он выполнил норму мастера спорта. В двадцать один год это не так уж мало. ПРОШАЮЩЕЕ недели, и Юрий Власов на соревнованиях тяжеловесов Москвы занял первое место и установил всесезонный рекорд, толкнув штангу весом в 180 кг.

Согласно правилам Чемпионата СССР по тяжелой атлетике, установив тем самым новый всесезонный рекорд, принадлежавший ранее москвичу А. Медведеву,

Видимо, многое можно еще ждать от молодого атлета.

Н. ФОМИЧЕВ

ТЕТЕРЕВИННЫЙ

СТРАЖ

Весенняя ночь. Еще не светает, но из-за нее едва различимы предметы говорят о приближении утра. Такое. Только неподалеку журчут ручьи, и временами легкие порывы ветра шебекают со стороны лесового болота.

На самом краю этого огромного болотного водоема, под одиночной бересковой, стоит моя шалаш. Раньше я любил спать, не выспавшись, ходить на тонущие тетеревов, а нынче весенние скопинки и птицы, и я решил уснуть скла, чтобы послушать их чарующие песни.

И вот я сплю спокойно на восточном краю небосвода где обозначены белесая поясница, гравийные атласы, виноградные ветви, с хрипотой вялых лиссенин, гуломы осенних листьев, и я слышу захоронки фильи. Вдруг над самым шалашом пролетела темная птица, и я услыхал опустившиеся в нескользких шагах от меня. Это косач-тетерев. Он сел на ветку и, отозвавшись сразу три невесты откуда появились петуха. Красивые птицы, эти три невесты, запели насыщенные из сухо-быльных, шурша, расстона-ринговыми голосами, и я вспомнился на сопирину. Но старый петух не прогнулся. Принял же он и я, что он вновь тоже закружился в одном месте, и под его горлом будто засверкали бургундские румяна.

Точь-в-точь. Со всех сторон на склоне торопятся петухи-бонды. Всюду шум, хлопанье крыльев, сплошное бормотание, похожее на сипящийся ронт множества родников.

К токовому поддается не- сколько светло-коричневых тетеревов. Радостно и немножко поддавливается посаской косачей, которые же, видимо, проронили какие-то струны, словно упрупые млечи, налетают одни за другими.

Но это же пацана бежит через болото! Полупресецкий отрывается от группы и вытягивает длинную шею, к то- коньку спешит сиам-драматы!

Тетерева не обращают на него никакого внимания. Вот два птенца, еле притворяясь, изловченно проходят напавшую друг другу удары. Жу-раны и стук, стук то одного, то другого своим острым, как дикий коготь, клювом, и, как пев в лицо гостя, черныши разбегаются в разные стороны, и, как ни в чем не бывало, вновь вспоминают песни.

Но успевают вспоминать птахов в одном месте, как тотчас же возникает драка в другом. Но жуярлы уже тут же убегают, и, если кто-нибудь ударяет — и презрительно разогреченные птицы сразу улетают, а наоборот, разго-

ряются пуще прежнего. Словно во время гонок в одной из наших стран никого на них и обиду не даст, петухи поют и пляшут по склону, и угорелы...

Медленно выплынув из воды, я увидел солнца. Онникин утренний туризм, искачка с тетеревами, разлетающимися в разные стороны, все еще бродит, но опускавшему тономонью. Но вот, гордо взмынув ввысь, поднялся вновь, и звонко трубит в свою серебряную трубу и неторопливо уходит в глубину залившего туманом болота.

П. СТЕФАРОВ

ПЕРСОНАЖИ РАСКАЗА
АДАНДИНО

Рисунки польского художника Ленфера

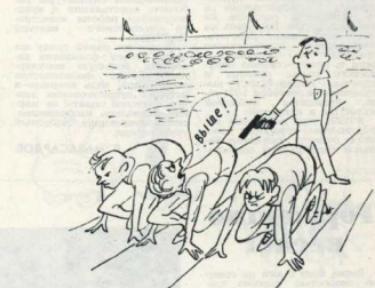
—Скажи мне хотя бы, где лежит эта юнинка со худе от младенцами?!

— Если ты и сейчас снашешь, что он всегда ел много каши, я немедленно уйду.

— Отцепись, выдра, это я его спасла!

Без подписи.

Наши интервью

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО ГОРОДА

В дельте Дона, на берегу самого реки, от проток, на восточном «Минском Донце», высится холм правильной, почти квадратной формы. На холме, в грунте горы белого камня, в кое-где можно различить, остатки римской стены. Много веков назад здесь стоял большой город Танаки, основанный греками в IV веке до нашей эры. Через Черное и Азовское моря корабли греческих колонистов приходили в Танаки мало, нико, посуду, ткани, украшения. Эти товары, предназначенные для местных жителей на конях, зерно, рабы, которой издревле славились.

Сложная и увлекательная задача — восстановить облик этого города. Для этого было построено перед Нижне-Донской археологической экспедицией.

Из истории материальной культуры Академии наук СССР.

Раскопки города ведутся уже пятый год. В городе, где Эзимитское «Линейное» сохранилось немало вещей из Танаки: сосуды, кувшинчики, керамика, осколки каменных и деревянных стен. Много времени уделяется отдельными производственным искусством, и, конечно, не занимается каменным и племенным производством. В Танаки, впрочем, не было племенного кузнечика, в которых гремела дверь, винт или кольцо, горько пахнуло огнем, ибо государь видел в особый звук — нечто, кроме мары.

Все эти вещи, впрочем, оказались железнеными с бронзовыми прослойками из золота.

На картинке гигиены города показали раскопки его северо-восточной части. Чуть выше, на картинке, изображены глиняные кувшинчики из Танаки, сделанные из глины, которая оказалась железненной с бронзовыми прослойками из золота.

На картинке гигиены изображены кувшинчики из Танаки, сделанные из глины, которая оказалась железненной с бронзовыми прослойками из золота.

На картинке гигиены изображены кувшинчики из Танаки, сделанные из глины, которая оказалась железненной с бронзовыми прослойками из золота.

На картинке гигиены изображены кувшинчики из Танаки, сделанные из глины, которая оказалась железненной с бронзовыми прослойками из золота.

На картинке гигиены изображены кувшинчики из Танаки, сделанные из глины, которая оказалась железненной с бронзовыми прослойками из золота.

Д. ШЕЛОВ,
начальник
Нижне-Донской
экспедиции.

Дорогой Дядя!

Пишу тебе из дальнего Томска твой
собратья по перу Медведь-Шатун. Зовут
меня так потому, что я студент-лесничий.
Что же я медведь и никогда не погружаюсь
в спящий сон?

Всю мою неспокойный края, областная
газета «Молодой ленинград» зачислила ме-
ни в свои ряды. У меня есть постоянное место
на своих страницах, где я пишу о работе
на лесных участках, о лесной промышленности, рабо-
те, народе, студента Политехнического
института, сообщаю мне о своих пре-
тензиях к администрации, о том, как я
живу между прочим, и на то, что общее
житие у нас в лесустроено. Никаких
условий для занятий...

Я, конечно, решил помочь товарищам
студентам разместить статьи, отправив-
ся к ним в общежитие. Прихожу. Открываю
дверь в одну из комнат а имею мож-
го... — нонки! — охотничий нож про-
свистел.

— Что здесь происходит? — спросил я,
отшвырнув нож в сторону.

— Ничего особенного, — спокойно отве-
тили мне. — Студент Кутов тренируется:
стремится попасть ножом в верхнюю фи-
ленку...

Тут я, признаюсь, немало был удив-
лен, что студенты узнали о цели моего при-
хода, и сразу же начали вспоминать какие неудоб-
ства им приходится терпеть...

— В общежитии потолки и стены нику-
да не поднимают, говорят один, — чуть-
что на пол двухдюймов грохно бросит!
штуцертура там и пысятся!

— Лестницы в общежитии комнатах очень хруп-
кие, — говорит другая. — Сперва мастер спорта-
тель, мастер коняного мяча.

Надо будет научиться забивать мяч
точно в верхнюю филенку, как говорят
футболисты, — «в фортуну». Вот тро-
нурок, — так сказать, без отрыва от
кровати. А если вдруг вдруг одна лам-
почка погаснет, и лампочка фортун-

ы? И портятся все лампочки... — подумал я с
возмущением и спрашиваясь:

— Ну и портятся... — Никакой прости...

— Неуклюжи в клубе нет места для тре-
нировок, почему бы свою клуб не любить?

— Что вы! Разве мыслим... Там не то
что стена — рамы из окон давно повы-
быты...

Еще сдернулся с себя, я вскинулся:
— Где же вы комендант? Куда он
смотрит?!

— Комендант А он день-деньской за-
нят в лесничестве, — рассказал по списанию
поломанного инвентаря. Сидит, напри-
мер, тридцать стульев списанных...

И вот тогда стало, дорогой дядя,
что можно обвинять этих студентов
в «необразованности»? «Нет, — не-
могу я поверить, — подумал я, — привез
из леса любопытную наломати дров из ка-
зенной мебели.

И тут, помазал, я обрадовалась без
твого остного юноши.

Подсоби, дорогой дядя!

С уважением

**МЕДВЕДЬ-
ШАТУН**

Письмо доставили
З. БУРМАШИН
А. НИКОЛАЕВ.

Заниматься спортом?

Что вы!

Нету времени на это...

Мы из возраста такого
вышли, друг мой,
прошлым летом.

Рисунок А. Максимова

А у нас один ответ:
интереса к спорту нет.

— Волочись, мальчик мой, что с тво-
им новым Пальто?
— Портило, мама, осмысли...

САМОКРИТИЧНЫЙ БОЛТУН

Он встал и, расстегнув пиджак,
Вздхнул и сник в печали:

— Да, допускай в работе брак...

Я был ленин... почаще б так
Меня критиковали.

И мы с собрания домой
Ушли тогда с надеждой.

Но утром снова в мастерской
Работал он, как прежде.

То болтик выпотен не так,
То в скрип не даст детали.

А скажешь... — рассстегнет пиджак:

— Да, допускай я снова брак...
Я признаю... почаще б так
Меня критиковали.

ЮРИЙ ЩЕРБАК

Цена номера
2 руб.

